

ПУШКИН И ПРОБЛЕМА „ВЕЧНОГО МИРА“

1

В черновых бумагах Пушкина, между записей всякого рода, сделанных им для себя по разным поводам, посреди торопливых строк, закреплявших порою в сокращениях, понятных только самому поэту, разрозненные мысли, суждения о книгах, о людях, есть немало мест, еще ожидающих своего истолкования. Если они даже и прочтены, то мы далеко не всегда уверенно можем сказать, *как* они возникли, *чем* были вызваны, *что* заставило Пушкина набросать их на бумагу, чтобы удержать в своей памяти. Раскрытие подобных мест, своего рода загадок, завещанных нам черновыми рукописями поэта, шло чрезвычайно медленно. Потребовались многие десятилетия упорного труда по собиранию автографов поэта, изучению его почерка, совершенствованию методики дешифровки его рукописей, накоплению данных о самом поэте, процессе его творчества, времени, в которое он жил, и т. д., чтобы отдельные черновики, писанные его рукою, поддались прочтению и правдоподобному объяснению.

И все же порою даже всего этого оказывалось недостаточно для проникновения в замыслы или намерения поэта. Отдельные строки и даже целые отрывки рукописей Пушкина становились понятными только в известных исторических условиях; может показаться даже, что они приобретали значение только тогда, когда для этого приходило время. Исторический опыт, сочетаясь с яркими впечатлениями текущего дня, неожиданно подсказывал новое толкование строкам, которые раньше казались темными или малозначащими. Внезапно раскрывалась мысль поэта, поражающая своей силой и яркостью, словно нашедшая своего испытующего читателя именно тогда, когда он ее искал. И тогда лишний раз можно было убедиться в исключительной исторической дальнорзости Пушкина, в его умении увидеть или угадать, понять или предусмотреть многое из того, что волнует людей нашего времени, лучше сказать, наших дней. Он задумывался уже над многими из тех великих проблем, которые решает наша эпоха, и в пользу именно этих решений выставлял такие доводы, какими можем воспользоваться и мы. Впрочем, всё это в одинаковой мере относится не только к рукописям поэта, но и ко всему изданному его сочинениям. Сколько раз, перечитывая Пушкина, наталкиваемся мы на свидетельства того, что его мысль жива и современна нам, что он и поныне еще является соучастником нашей идейной жизни. Как часто вспоминаются при этом и знаменитые суждения о Пушкине прозорливых критиков его времени, Белинского, писавшего о нем как о непрерывно развивающемся явлении нашей культуры, или Гоголя, говорившего о нем как о поэте и мыслителе будущих времен («это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет»). Поистине, Пушкин это какая-то «странная вечность».

Все эти мысли невольно приходят в голову, когда мы перечитываем черновой отрывок Пушкина, посвященный проблемам разоружения будущего человечества, наказания военных преступников, ликвидации войн и установления «вечного мира». Хотя этот отрывок печатается во всех собраниях сочинений Пушкина, но известен он далеко не столь широко, как того заслуживает; помимо этого, в некоторых отношениях он является неясным и спорным и безусловно нуждается в более тщательном разборе и объяснении, чем то, которое удалось представить до сих пор. Так как отрывок этот невелик, необходимо напомнить его текст, чтобы последующий анализ его отдельных строк и положений не повредил цельности впечатления, которое он производит, по крайней мере в своей первой части. Следует также иметь в виду, что отрывок написан по-французски и что в этом, может быть, следует видеть причину его относительной малоизвестности; тем не менее, во всех наших изданиях сочинений Пушкина он сопровождается русским переводом, который я и воспроизвожу¹, не касаясь пока тех мест в транскрипции оригинального французского текста, которые, как мне кажется, нуждаются в исправлениях.

«1. Невозможно, чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны, как они уразумели существо рабства, царской власти и т. д. Они увидят, что наше предназначение — есть, жить и быть свободными.

«2. Так как конституции уже являются крупным шагом в человеческом сознании, и этот шаг не будет единственным — вызывая стремление к уменьшению числа войск в государстве, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, — то возможно, что менее, чем через 100 лет не будет больше постоянных армий.

«3. Что же до великих страстей и великих военных талантов, то на это всегда будет гильотина, т. к. обществу мало заботы до восхищения великими комбинациями победоносного генерала — имеются иные дела — и не для того поставили себя под защиту законов». Вслед за этими положениями, как бы развивая и конкретизируя их, Пушкин ссылается на Ж. Ж. Руссо, мнения которого, по-видимому, и послужили поводом для записи собственных мыслей поэта о мире и войне. Во всех новейших изданиях сочинений Пушкина дальнейший текст отрывка имеет следующий вид: «Руссо, рассуждавший не так плохо для верующего протестанта, говорит в точных выражениях: „то, что полезно обществу, вводится в жизнь только силой, т. к. частные интересы почти всегда этому противоречат. Без сомнения, вечный мир в настоящее время весьма нелепый проект; но пусть нам вернут Генриха IV и Сюлли, и вечный мир снова станет благоразумным проектом; или точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществлен, так как это можно достигнуть только средствами жестокими и ужасными для человечества“. Очевидно, что эти ужасные средства, о которых он говорил, — революции. Вот они и настали. Знаю, что все эти доводы очень слабы, так как свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не выигравшего ни одной победы, не имеет никакого веса, — но спор всегда хорош, так как он способствует пищеварению. Впрочем, он еще никогда никого не переубедил»². Таков весь текст, подлежащий исследованию.

¹ Текст русского перевода воспроизводится по Полному собранию сочинений Пушкина, т. XII, Изд. АН СССР, 1949, стр. 480; французский текст оригинала см. здесь же на стр. 189—190, варианты — стр. 413—414. В дальнейшем цитируется это издание: тт. I—XVI, 1937—1949. Цитирование по другим источникам оговаривается особо.

² Далее зачеркнуто: «и только глупцы думают другое».

2

Приведенный отрывок долгое время не привлекал к себе никакого внимания, оставаясь не только неопубликованным, но и непрочтенным. Много лет пролежал он в так называемом «майковском собрании» автографов Пушкина, в числе тех рукописей, которые впервые описаны были в 1906 году. Однако опись эта была столь краткой и невразумительной, что не возбуждала особой охоты заняться дешифровкой этих записей поэта. В описи говорилось: «Заметки и выписки о государственном строе, отрывки (1820-ые гг.). В четверку, 3 л. Синяя, голубая и сероватая бумага. Среди текста красные цифры (т. е. жандармские пометы): 58, 57, 59. На двух листах текст с одной стороны. Писано по-французски»³.

По странной случайности в том же 1906 году М. О. Гершензон впервые опубликовал отрывок из неизданного письма Екатерины Николаевны Орловой к брату Александру Николаевичу Раевскому из Кишинева (от 23 ноября 1821 года), в котором есть следующие строки (подлинник по-французски): «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — *вечный мир аббата Сен-Пьера*. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия. Я хотела бы видеть, как бы ты сцепился с этими спорщиками»⁴. Это интересное свидетельство обратило на себя внимание и нередко цитировалось в литературе о Пушкине, в частности, в начале первой мировой войны⁵; журнальная статья Гершензона, в которой приводились указанные слова из письма Е. Н. Орловой, перепечатана была два раза (в 1908 и 1923 гг.), что сделало их еще более известными; тем не менее, это свидетельство не связывалось ни с какими другими данными и не имело никаких других документальных подтверждений до тех пор, пока не был опубликован интересующий нас отрывок Пушкина.

В 1924 году в статье «Мысли Пушкина о войне» Б. В. Томашевский впервые привел небольшой фрагмент из этой черновой записи Пушкина по листкам «Майковского собрания»⁶, но лишь несколько лет спустя ему удалось разгадать, что вся она находится в теснейшей связи с приведенным выше свидетельством Е. Н. Орловой, что они взаимно дополняют и поясняют друг друга. В 1930 году Б. В. Томашевский опубликовал запись Пушкина полностью со своими комментариями⁷. С тех пор отрывок начал печататься во всех собраниях сочинений Пушкина, под разнообразными заглавиями редакторов: по первой строке («Невозможно, чтобы люди...») или «Заметки по поводу суждения о проекте вечного мира», или «Запись споров о вечном мире», или просто «О вечном мире»⁸. Во всех новейших изданиях сочинений (не исключая и последнего по вре-

³ Пушкин и его современники, вып. IV, СПб., 1906, стр. 27 (№ 13).

⁴ М. Гершензон. Семья декабристов (По неизданным материалам). «Былое», 1906, № 10, стр. 308.

⁵ Интерес Пушкина к проектам аббата Сен-Пьера отметил Б. М. Эйхенбаум в статье: Проблема «вечного мира», «Русская мысль», 1914, № 8—9, стр. 116—119.

⁶ «Жизнь искусства», 1924, № 24, 10 июня, стр. 3.

⁷ Б. Томашевский. Пушкин и вечный мир. «Звезда», 1930, № 7, стр. 227—231.

⁸ Впервые отрывок вошел в издание Полного собрания сочинений Пушкина в шести томах, т. V, М.—Л., 1931, стр. 411.

мени парижского издания 1958 года)⁹ текст отрывка дается в чтении Б. В. Томашевского. Ему неоспоримо принадлежит та заслуга, что он первый обнаружил, прочел и напечатал этот отрывок, он также датировал его. Письмо Е. Н. Орловой, устанавливающее, что «вечный мир» является «теперешним коньком» Пушкина, помечено 23 ноября 1821 года. Очевидно, что и отрывок относится к тому же времени. Мы узнаем теперь и место действия — Кишинев, квартира генерала М. Ф. Орлова, октябрь — ноябрь 1821 года. Е. Н. Орлова указала и на источник суждений Пушкина — труды о вечном мире аббата Сен-Пьера, французского писателя раннего просвещения (1658—1743). Сопоставляя это указание с упоминанием в заметке Пушкина Ж. Ж. Руссо, который, как известно, был автором краткого изложения проекта «вечного мира» Сен-Пьера и своего «Суждения» о нем, мы получаем надежное свидетельство и о тех книгах и о том круге идей, которые стали предметом спора. Все это было установлено Б. В. Томашевским прочно, незыблемо и вошло в широкий обиход пушкиноведения.

Тем не менее, с 1930 года, когда появился первый, написанный Томашевским, комментарий к этому отрывку, сколько мне известно, не было сделано никаких попыток его проверки или пополнения. Эти краткие выводы пояснений 1930 года повторяются и доныне во всех новых изданиях сочинений Пушкина. Основную свою аргументацию Б. В. Томашевский сохранил, приведя ее лишь в несколько расширенном виде, на тех двух страницах своей последней книги о Пушкине, где идет речь об интересующем нас отрывке¹⁰.

Между тем еще далеко не ясными представляются ответы на многие из тех вопросов, которые ставит нам пушкинский текст. Полностью ли он дошел до нас? Доказано ли, что отрывок представляет «запись споров» о вечном мире и как в таком случае определяются границы собственных суждений Пушкина на эту тему? Достаточно ли объяснен повод возникновения этих споров и причины увлечения Пушкина всей проблемой в целом? Служила ли запись Пушкина конспектом его собственных мнений, которые он собирался предложить спорщикам, или же он старался удержать в памяти весь ход спора, уже состоявшегося ранее? Подобных вопросов возникает много, и далеко не на все из них при дальнейшем изучении отрывка можно будет получить исчерпывающие ответы. Но гипотетические объяснения важнейших из этих недоумений не только возможны, но и обязательны, если мы хотим получить более ясное представление об отрывке, его происхождении и месте, которое занимает он в истории идейного развития Пушкина в период его южной ссылки.

Сомнения вызывает уже самый текст отрывка, в особенности вторая, заключительная его часть¹¹. Хотя весь отрывок написан четко, уверенной рукой, но уже на первом листке беловой текст с поправками переходит в черновой; так, второе из трех положений, которыми начинается текст, подверглось особенно сильным переделкам и заключается в себе ошибку (оно вторично помечено цифрой 1). Дальнейшая запись велась с еще большей поспешностью: Пушкин не только зачеркивал, но и сокра-

⁹ P o u s h k i n e. Oeuvres complètes, Autobiographie, critique, correspondance. Éd. H. Meunieux. Paris (1958), p. 36—37 (D'un carnet de notes. «Sur la Paix perpétuelle»).

¹⁰ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. 1 (1813—1824). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 534—537.

¹¹ Мы пользовались автографом, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ф. 244, оп. 1, № 284, л. 1—1 об.). Краткое его описание см. в кн. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 111 (№ 284).

шал при писании отдельные слова и фразы, прибегая для скорости даже к характерным аббревиатурам (пользуясь, например, чертой для обозначения удвоенных согласных: some вм. somme, persone вм. personne). В недописанной строчке, на втором листке, троеточие, заключенное в скобки, указывает, что она должна была быть пополнена цитатой, и т. д.

Что касается сокращенных слов, то их можно читать по-разному и предлагаемое Б. В. Томашевским чтение не всюду является бесспорным и обязательным. Наиболее удачным и правдоподобным представляется мне раскрытие сокращения в строке: *Je sais bien que toutes ces r. s. tr. mau*». «Сокращенные слова вписаны. Может быть, их следует читать так: *toutes ces raisons sont très mauvaises*»,—догадывался Томашевский. В рукописи мы находим также следующую фразу: «*Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un Cr. de prot. dit en propres termes*». Впервые публикуя этот текст, Томашевский писал: «В подлинном тексте не совсем ясно сокращение, которое я условно расшифровываю *croyant de protestantisme*» («верующий протестант») ¹². Несмотря на оговорку, это «условное» чтение удержано во всех последующих перепечатках отрывка в изданиях Пушкина, большею частью даже без ломаных скобок или настоятельного знака вопроса; эта предположительная конъектура донине прочно сохраняется традицией.

Вдумаемся, однако, в эту поистине странную фразу: «Руссо, рассуждавший не так плохо для верующего протестанта...» Пушкин, разумеется, хорошо знал, каково было вероисповедание «женевского гражданина», но почему мог он сомневаться в умственных способностях протестантов XVIII столетия? Где и когда давал он повод для того, чтобы мы могли приписать ему такой образ мыслей? Какое значение могла иметь такая оговорка для логики всего рассуждения, если сам Руссо, излагая политические мнения и проекты католического аббата Сен-Пьера, ни словом не упомянул о вероисповедных с ним различиях? Очевидно сокращенное слово «Cr.» следует расшифровывать не как «croyant», а иначе. Не предвешая окончательного суждения по поводу этого текстологического казуса, требующего, по-видимому, пересмотра и особого обоснования предположительного чтения всех спорных мест указанного отрывка, укажем, в качестве догадки, что интригующие сокращенные слова «Cr. de prot» (или de prof, du proj. и т. д.) мы могли бы читать не *croyant de protestantisme*, а *critique de profession, critique du projet*,—«профессиональный критик», «критик проекта» и т. д. Одно из подобных обозначений было бы гораздо естественнее в устах Пушкина, поскольку он в данном случае высказывал мнение о Руссо прежде всего как о критике проектов Сен-Пьера и воздавал ему должное именно в этом смысле, хотя и с известными ограничениями. Равным образом, цитата из Руссо, которую Пушкин имел в виду, ныне включается в текст его записи по догадке, хотя и правдоподобной, но не исключающей другие предположения. Внимательно вчитываясь в то сочинение Руссо, из которого могла быть извлечена нужная Пушкину цитата, мы можем найти еще несколько аналогичных мест, которые с такой же, если не с большей вероятностью, могли обратить на себя его особое внимание. Но если эта цитата вызывает сомнения, то тем самым нарушается вся логика рассуждения в фрагменте Пушкина и те выводы, которые можно из него извлечь. Ощущение недосказанности, разорванности, нестройности действительно не покидает нас при чтении заключительных строк отрывка Пушкина. Зачем Пушкину нужно было цитировать эти слова Руссо: «Без сомнения, вечный мир в настоящее время весьма нелепый проект; но пусть нам вернут Ген-

¹² «Звезда», 1930, № 7, стр. 229

риха IV и Сюлли, и вечный мир снова станет благоразумным проектом?» Без предшествующих им страниц, на которых Руссо доказывает, что Сен-Пьер заимствовал свои идеи о вечном мире из проекта герцога Сюлли об организации «лиги христианских государей», указанные слова, которые Пушкин якобы поместил для выписки («Rousseau dit en r g r o r g e t e g t e») могут быть поняты превратно. В какую связь становится эта цитата с пушкинскими словами о значении революций для будущего вечного мира? И почему Пушкин далее иронически и даже пренебрежительно отзывается о Руссо, если в указанном сочинении, которое сам Руссо не мог напечатать при жизни, он объявляет себя убежденным сторонником народовластия?

Приходится признать, что текст заметки Пушкина разобран только предположительно, что он истолкован еще не до конца и что дальнейшие догадки по его расшифровке не только возможны, но и просто необходимы. Однако они останутся бесплодной игрой воображения, если мы не подыщем для них прочных оснований и не постараемся представить себе сущность спора, возникшего в Кишиневе в ноябре 1821 года, и возможное отношение к нему собеседников.

3

Участников спора и обстановку, в которой возникли самые споры, мы представляем себе довольно отчетливо. Напомним несколько общеизвестных фактов. Дело происходило в кишиневском доме генерала М. Ф. Орлова, одного из виднейших деятелей Союза Благоденствия, командовавшего здесь 16-й дивизией. Пушкин знал М. Ф. Орлова по «Арзамасу» и еще в Кишиневе иногда именовал его по его арзамасскому прозвищу — «превосходительный Рейн». М. Ф. Орлов, со своей стороны, следил за успехами Пушкина на литературном поприще и вспоминал его еще до того, как они встретились и закрепили свою дружбу в Кишиневе: «поклон юному Аруэту» (т. е. Вольтеру) — Пушкину М. Ф. Орлов послал в июле 1820 г., в письме к А. Н. Раевскому на Кавказ. В мае 1821 года М. Ф. Орлов женился на Екатерине Николаевне Раевской, представительнице семьи, столь близкой Пушкину в годы его южной ссылки¹³, и зажил в Кишиневе открытым домом, игравшим роль и политического салона и места конспиративных встреч кишиневской ячейки тайного общества. В любом очерке жизни Пушкина кишиневских лет можно найти более или менее подробную характеристику той общественной среды и идейной атмосферы, в которой поэт находился во второй половине 1821 года, и того значения, какое имело для него дружеское общение с четой Орловых.

В их доме он бывал едва ли не ежедневным гостем. В переписке Орловых с Раевским (к сожалению, донныне известной только в отрыв-

¹³ О предполагаемой женитьбе М. Ф. Орлова Пушкин писал из Кишинева А. И. Тургеневу (7 мая 1821 года) и упомянул об этом в стихотворном послании к В. Л. Давыдову. В письме к П. А. Вяземскому (Кишинев, 2 января 1822 года) есть такая фраза: «Пишу тебе у Рейна — всё тот же он, не изменился, хоть и женился». О характере отношений его с Орловыми мы находим следующее свидетельство В. П. Горчакова: «В половине 1821 г. М. Ф. Орлов приехал назад в Кишинев с молодою женою, Екатериной Николаевной, урожденной Раевской. Пушкин необыкновенно уважал ее; но с самим Орловым он не чинился и валялся у него на диванах в бархатных шароварах. Орлов улыбался и раз сказал ему известные стихи:

Мои, твои права равны;
Да мой сапог тебе не впору.

— Эка важность, сапоги! — возразил Пушкин: у слона еще больше должны быть сапоги. Орлов говорил ему ты, Пушкин ему вы» (сб. Пушкин в воспоминаниях современников. Гослитиздат, 1950, стр. 223—224).

ках) неоднократно идет речь о Пушкине. Александр Раевский через сестру посылает ему приветы (5 ноября), а Екатерина Николаевна в свою очередь пишет брату, что Пушкин «очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает и болтает очень приятно» (12 ноября 1821 года); «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Он только что кончил оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнению, хороша. . .»¹⁴ Среди прочих частых гостей Орловых необходимо отметить как возможных участников интересующего нас спора — майора В. Ф. Раевского, И. П. Липранди¹⁵. Известна злобно-язвительная характеристика этого салона, данная Ф. Ф. Вигелем в его «Записках», и вполне дружелюбные отзывы В. П. Горчакова, также бывавшего здесь запросто вместе с Пушкиным.

В своих воспоминаниях В. П. Горчаков, в частности, рассказывает, как однажды он обедал у Орлова вместе с Пушкиным: «. . . Пушкин говорил довольно много и не скажу, чтобы дурно, вопреки постоянной придирчивости некоторых, а в особенности самого М. Ф. <Орлова>, который утверждал, что Пушкин так же дурно говорит, как хорошо пишет; но мне постоянно казалось это сравнение преувеличенным. Правда, что в рассказах Пушкина не было последовательности, все как будто в разрыве и очерках, но разговор его всегда был одушевлен и полон начатков мысли. Что же касается до чистоты разговорного языка, то это иное дело: Пушкин, как и другие, воспитанные от пеленок французами, употреблял иногда галлицизмы. Но из этого не следует, чтоб он не знал, как заменить их родной речью»¹⁶. Это свидетельство очевидца одного из жарких споров, возникавших за обеденным столом у Орлова, самим мемуаристом отнесено к марту 1821 г., т. е. еще до женитьбы Орлова; споры велись тогда преимущественно по-русски; появление в доме Е. Н. Орловой в качестве хозяйки вероятно способствовало переходу собеседников на французский язык; в позднейшем письме к брату (Кишинева, 27 июля 1821 года) Пушкин просил его: «. . . пиши мне по-русски, потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями¹⁷ я скоро позабуду гусскую азбуку»¹⁸. Этим, по-видимому, и объясняется, что запись спора о «вечном мире» сделана Пушкиным по-французски.

О горячности Пушкина в это время, о его постоянной готовности отстаивать свои мнения перед кем угодно, о его «мгновенных взрывах» во время беседы мы находим много указаний у различных мемуаристов, у того же Горчакова, И. П. Липранди и других. П. И. Долгоруков пишет в своем дневнике (от 18 января 1822 года): «Рассказывают, что за столом у генерала Орлова Пушкин отпустил ему, разгорячась: «*Vous raisonnez, Général, comme une vieille femme* (вы, генерал, рассуждаете, как старая баба). Орлов на это отвечал: *Pouchkine, vous me dites des*

¹⁴ Выдержки из этих писем, приведенные уже Гершензоном, цитируются также М. А. Цявловским, по сверке их с подлинными автографами, хранящимися в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, М., 1951, стр. 316—317).

¹⁵ О взаимоотношениях Липранди, Пушкина, В. Ф. Раевского, М. Ф. Орлова интересные замечания сделал П. А. Садиков («И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов». «Временник Пушкинской комиссии», т. 6, М.—Л., 1941, стр. 266—295).

¹⁶ Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 196; по словам Горчакова, спор М. Ф. Орлова с Пушкиным однажды коснулся «Душеньки» Богдановича (там же, стр. 195—196).

¹⁷ Б. Л. Модзалевский объясняет, что под своими «конституционными друзьями» Пушкин разумел М. Ф. Орлова, П. И. Пестеля, В. Ф. Раевского. Пушкин. Письма. Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, Госиздат, М.—Л., 1926, стр. 228.

¹⁸ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 30.

injures; prenez garde à vous (Пушкин, ты мне говоришь дерзости, берегись)»¹⁹.

Среди «спорщиков», часто бывавших в доме Орлова, выделялся как опытный диалектик и пропагандист В. Ф. Раевский; Пушкин нередко навещал и его. В. П. Горчаков добродушно рассказывает, что спор разгорался в особенности, «если Пушкин, вопреки мнению Раевского, был одного мнения со мною... мы, кажется, взаимно тешились очередным воспламенением спора, который, продолжаясь иногда по несколько часов, ничем не оканчивался, и мы расходились по-прежнему добрыми приятелями до новой встречи и неизбежного спора»²⁰.

Припомним, кстати, конец интересующей нас записи Пушкина: «...но спор всегда хорош, так как он способствует пищеварению. Впрочем он еще никогда никого не переубедил (и только глупцы думают противное)». Эту шутливую мысль нельзя, однако, принимать всерьез: споры происходили тогда не по пустякам и не ради искусства спорить. Один из таких споров воспроизведен самим В. Ф. Раевским в его «Вечере в Кишиневе»²¹; несогласия его с Пушкиным были литературно-эстетического порядка. Для дебатов более жарких, острых, откровенных, избирались предметы более важные: недаром о них меньше всего говорят нам источники; следы их могли быть уничтожены вместе с бумагами Раевского перед его арестом (о котором его предупредил, как известно, Пушкин) вместе с компрометирующими бумагами М. Ф. Орлова, наконец, и самого Пушкина. Вот почему дошедшие до нас листки с записью Пушкина о проблеме вечного мира имеют такое большое значение.

Имея в виду, что запись эта делалась в конце ноября 1821 года, не забудем, что в середине этого же месяца была закрыта кишиневская масонская ложа «Овидий», что уже собиралась гроза над той дивизионной школой, которой руководил В. Ф. Раевский, что 3 декабря того же года произошли события в Камчатском полку, входившем в 16-ю дивизию, которой командовал Орлов, вызвавшие строгое расследование и окончившиеся полным разгромом кишиневской группы декабристов.²²

Обратим в связи с этим внимание на то, что интересующие нас листки Пушкина были вырваны им из одной из двух его кишиневских тетрадей; сохранился кусок смежного листа²³. Зачем Пушкин вырвал их? Не из опасений ли, что они обратят на себя внимание постороннего взора? Не из той же ли осторожности не вписал он в рукопись намеченную к выписке цитату из Руссо и заключил запись намеренно шутливой концовкой о бесполезности спора, как бы заматывая следы более ответственных мыслей, которые было опасно доверять бумаге? Во всяком случае, кажется бесспорным, что указанные листки являются одним из важных источников для изучения политических воззрений Пушкина в конце 1821 года и что следует дорожить каждой мелочью, чтобы восстановить их правильное чтение и дать им правдоподобное истолкование.

¹⁹ Дневник Долгорукова. «Звенья», т. IX, 1951, стр. 29.

²⁰ Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 197.

²¹ «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 657—666.

Доныне не объяснено еще, что имел в виду Пушкин, когда писал брату из Кишинева 24 сентября 1820 года: «Михайло Орлов с восторгом повторяет... *Русским безвестную!*... я также» (Пушкин. Письма. Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, 1926, стр. 14 и 216). Подлинник этого письма дошел до нас в поврежденном виде; случайностью ли, однако, следует объяснять тот факт, что автограф прожжен в тех местах, где поставлены точки?

²² В. Базанов. Декабристы в Кишиневе (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский), Кишинев, 1951; его же «В. Ф. Раевский». Новые материалы, Л.—М., 1949.

²³ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский, М.—Л., 1937, стр. 111.

4

Имя Ж. Ж. Руссо — единственное, которое Пушкин упоминает в своем отрывке. Если бы мы не имели параллельного свидетельства Е. Н. Орловой о том, что Пушкин носится с проектом вечного мира аббата Сен-Пьера, было бы трудно указать, какое из сочинений Руссо Пушкин в данном случае имел в виду. Не подлежит, однако, сомнению, что именно на юге Пушкин впервые начал серьезно знакомиться с его сочинениями. «По-видимому, по-настоящему к чтению сочинений Руссо Пушкин приступил только в 1820 году», — отмечал Б. В. Томашевский, обращая внимание на то, что до этого Руссо упомянут Пушкиным лишь однажды в «Городке» «без всякой характеристики», и что, по-видимому, «в лицейское время он был для Пушкина главой чувствительного направления, сентиментальным прозаиком»,²⁴ в 20-е же годы Пушкин впервые заинтересовался философскими и публицистическими работами Руссо.

Ряд данных свидетельствует, что в Кишиневе между 1821—1823 годами в руках у Пушкина было какое-то французское издание сочинений Руссо. В письме к Н. И. Гнедичу (29 апреля 1822 года, Кишинев) Пушкин вспоминает «преlestную быль о Пигмалионе», которая нравилась «пламенному воображению Руссо»;²⁵ французская цитата из Руссо в письме к П. А. Вяземскому (март, 1823, Кишинев) скорее всего ведет нас к «Исповеди» Руссо, как и некоторые черновики «Отрывков мыслей и замечаний», начатых в Кишиневе и переработанных шесть лет спустя.²⁶ В примечаниях к первой главе «Евгения Онегина» (писанной в 1823 году) приведена большая выписка из «Исповеди» Руссо (ч. II, гл. IX), и та же книга имеется в виду в письме Пушкина к П. А. Вяземскому (сентябрь 1825 года) в строках о Байроне: «его бы уличили, как уличили Руссо». Наконец, руссоистские идеи отразились в «Кавказском пленнике» и особенно в «Цыганах»: в опущенной из окончательного текста поэмы, но оставшейся в черновиках речи Алеко к сыну находят следы внимательного чтения Пушкиным той же «Исповеди» Руссо²⁷. Ничто не препятствует нам допустить, что если Пушкин знал «Исповедь» Руссо в 1822—1823 годы, то он был знаком с ней и раньше — в ноябре 1821 года. Именно в «Исповеди» Руссо, и как раз в той ее части и книге, из которой Пушкин извлек цитату для первой главы «Евгения Онегина», он мог найти подробный рассказ Руссо о том, как возникли его работы о Сен-Пьере.

Руссо довольно много говорит в «Исповеди» о Сен-Пьере (ч. II, книги 9 и 11) и дает ему здесь довольно полную характеристику как прекрасному мечтателю, не имевшему ни малейшего понятия о действительной жизни. Когда племянник аббата обратился к Руссо с предложением просмотреть все печатные сочинения его дяди и все оставшиеся от него рукописи, чтобы подготовить их для нового издания, Руссо оказался в затруднении, стоит ли ему приниматься за это и какую форму следует придать такому труду. Возникший было у него интерес к рукописям аббата не оправдался; оказалось, что в них не нашлось

²⁴ Б. Томашевский. Пушкин и французская литература. «Литературное наследство», т. 31—32, 1937, стр. 42.

²⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 372.

²⁶ К «Исповеди» ведет нас также и фраза из позднейшей статьи Пушкина («О ничтожестве литературы русской»), где Руссо назван «задумчивым» (в рукописном варианте «задумчивым софистом»). Пушкин, Сочинения, т. IX, кн. 2, Изд. АН СССР, 1929, стр. 636, 656, 657.

²⁷ Г. Винокур. Монолог Алеко. «Литературный критик», 1937, № 1, стр. 217—231.

ничего особенно достопримечательного; что же касается его печатных сочинений, то в них «попадались превосходные мысли, но они были так плохо выражены, что чтение их являлось нелегким делом». «Предстояло прочесть, продумать, изложить двадцать три тома — расплывчатых, нелепых, полных длиннот, повторений, близоруких или ложных взглядов, среди которых надо было выудить несколько великих, прекрасных мыслей, дававших мне мужество перенести тяжкое бремя этой работы». Как следовало взяться за нее? «Оставить вымыслы без опровержения — значило не сделать ничего полезного, опровергнуть их со всей строгостью — значило поступить нечестно. . .» «Наконец,— продолжает Руссо,— я принял решение, показавшееся мне самым пристойным, разумным и целесообразным: изложить идеи автора и свои собственные отдельно, а для этого стать на его точку зрения, осветить, развить и сделать все, чтобы ее можно было оценить по достоинству». Первый опыт Руссо сделал с «Проектом вечного мира», который он называет «самым значительным и самым разработанным из всех сочинений аббата».²⁸

В 11-й книге II части Руссо подробно рассказывает, как напечатано было составленное им изложение или «Сокращение» (как его обычно у нас называли) проекта вечного мира аббата Сен-Пьера и какова была судьба одновременно написанного им «Суждения» об этом произведении Сен-Пьера. «Сокращение» Руссо уступил Бастиду, редактору журнала «Monde»: «. . .мы договорились о том, что отрывок этот будет напечатан у него в журнале, но как только он завладел рукописью, то нашел более удобным напечатать ее отдельно, с некоторыми сокращениями по требованию цензора. . . Что было бы — если б я присоединил к этому труду и свою критику? (т. е. «Jugement»,— М. А.),— спрашивает Руссо.— К счастью, я ничего не сказал о ней де Бастиду, и она не входила в наш договор. Критика эта и теперь еще находится в рукописи среди моих бумаг. Если она когда-нибудь увидит свет, то убедятся, как жалки были мне шутки и самодовольный тон Вольтера по этому поводу, ибо я хорошо знал меру способности этого бедняги в политических вопросах, которые он брался обсуждать».²⁹

«Мой труд должен был состоять из двух совершенно различных частей»,— сообщает Руссо далее. Одна из них предназначалась для изложения проектов Сен-Пьера, другая, по его замыслу, должна была появиться «лишь после того, как первая произведет свое действие», и в ней он намеревался высказать «свое суждение об этих самых проектах». Руссо не случайно прибавляет тут же, что его «Суждение» могло бы подвергнуть эти творения аббата «участи сонета в Мизантропе». Чтобы правильно оценить этот недвусмысленный намек, надо иметь в виду ту сцену знаменитой комедии Мольера (д. I явл. 2), где Альцест прямодушно и без всяких стеснений высказывает свое суровое мнение о сонете Оронта, утверждая, например,

.. что надо, разум свой исправно в руки взяв,
Не выносить на свет плоды своих забав,
И что желанье всем читать творенья эти
Способно выставить творца в печальном свете. . .

Таким образом, следует строго различать составленное Руссо и изданное в 1761 году «Сокращение проекта вечного мира» (Extrait du projet de paix perpétuelle») и его же «Суждение относительно проекта

²⁸ Ж. Ж. Руссо. Исповедь. М., 1949, стр. 385. Пользуюсь напечатанным здесь переводом М. Розанова и Д. Горбова, сверяя его по изданию «Oeuvres complètes de J. J. Rousseau», Paris, 1839 (t. 1).

²⁹ Ж. Ж. Руссо. Исповедь, стр. 491; Oeuvres compl., t. 1, p. 530—531.

о вечном мире» (*Jugement sur le projet de paix perpétuelle*). Последнее впервые увидело свет только через двадцать лет после смерти Руссо и лишь с конца XVIII века стало входить в собрание его сочинений.³⁰ Хотя обе эти небольшие работы и написаны были Руссо почти одновременно, но они не столько дополняют друг друга, сколько вступают между собою в противоречие: в «Суждении» Руссо подвергает проекты аббата самой суровой критике.

Сен-Пьер многословно изложил в своем трактате идею относительно союза нескольких европейских держав и состоящего при ней своеобразного арбитражного совета, который был бы в состоянии разрешать мирным путем или предотвращать возникавшие между государствами военные конфликты.³¹ Как отметил уже и Руссо, эта идея не была особенно новой, поскольку Сен-Пьер в значительной мере исходил из так называемого «Великого плана» французского короля Генриха IV и его министра герцога Сюлли, предлагавших создать союз «христианских монархов» Европы, направленный против турок, но, в сущности, также и для ослабления могущества габсбургского дома.³² Внимание Сен-Пьера, а за ним и Руссо к этому проекту более чем столетней давности вполне объяснимо: французские просветители ранней поры, как известно, весьма почитали Генриха IV, видя в нем образец «просвещенного» монарха; недаром он стал героем эпической поэмы Вольтера («Генриада»). Впрочем, и этому «плану» предшествовал длинный ряд аналогичных проектов еще более раннего времени.

В своем «Сокращении» Руссо добросовестно изложил проект Сен-Пьера, и это кратко, но ясное изложение его основных предложений о «вечном мире» сделало их чрезвычайно популярными.

Именно это «Сокращение» в большей мере, чем многословные писания самого аббата, дало целое направление буржуазному пацифизму. Самую идею осуществимости прочного мира с помощью некоей международной организации стали связывать с именем Сен-Пьера. Проекты «вечного мира» плодились везде, куда только проникали идеи просветительского века. Во Франции от д'Аржансона, Вольтера, Руссо до Даламбера и Мерсье, в Германии — от Лейбница, Гердера и до Канта тянется длинный ряд обсуждений этой проблемы в книгах и статьях, трактатах и памфлетах — и все они так или иначе связаны с Сен-Пьером (в особенности в тех случаях, когда речь идет о проектах того или иного

³⁰ «Extrait du projet» издано было в 1761 году трижды: в Париже (без обозначения места и года), в Амстердаме — Мишелем Реем (контрафакция) и, наконец, вместе с памфлетом Вольтера «Рескрипт о вечном мире китайского императора», без обозначения года и места печати. См.: Jean Senélier. *Bibliographie générale des oeuvres de J. J. Rousseau*, Paris, 1950, p. 180—181.

Последующие издания были весьма многочисленны.

³¹ Существует две редакции этого труда Сен-Пьера (не во всем сходные между собою): полная, изданная в трех томах (1713—1716) и сокращенная под заглавием: «Abrégé du projet de paix perpétuelle».

О проекте Сен-Пьера существует огромная литература на всех европейских языках. См.: Андрей Лодыженский. Проекты вечного мира и их значение. М., 1890, стр. 141—145; А. Яценко. Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908, стр. 293—296; Joseph Drouet, *L'abbé de Saint-Pierre. L'homme et l'oeuvre*, Paris, 1912; Wilhelm Vogner. *Da Weltstaatsprojekt des Abbé de Saint-Pierre. Ein Beitrag zur Geschichte des Weltfriedensidee*. Berl. — Leipzig. 1913 и др.

³² О «Великом плане» Генриха IV — Сюлли см. А. Яценко, указанное сочинение, стр. 281—282. Здесь же подробно характеризованы проекты французского публициста времени Филиппа Красивого Пьера Дюбуа (XIV в.), чешского короля Георгия Подибрада (XV в.), гугенота XVII в. Эмерика Крусе (стр. 268 и сл.) и т. д. Ср. Kurt v. Raumer. *Friedensrufe und Friedenspläne seit der Renaissance*, Freiburg—München, 1953.

международного органа) независимо от того, основаны ли они на его предпосылках или подвергают их критике.³³

Если д'Аржансон, этот типичный представитель ранней фазы французского Просвещения, охотно называвший себя «учеником» Сен-Пьера, относился к его проектам с полным доверием, пытаясь даже развивать их, то уже Вольтер оценивал их с нескрываемым сарказмом. Хотя Вольтер и ненавидел войну, считая ее несчастьем человеческого рода, но о миролюбивых мечтаниях «Сен-Пьера из Утопии», как он однажды назвал этого прекраснородушного оптимиста (см. письмо Вольтера к Терио от 31 октября 1738 года), всегда отзывался то иронически, то с острой насмешкой. Присущий Вольтеру здравый смысл подсказывал ему, что на истребление войн в недалеком будущем трудно надеяться; он предпочитал задумываться над тем, не являются ли войны очевидным свидетельством неразумия человеческого рода; этому, в частности, посвящена его статья «Война» в «Философском словаре», где утверждается, что разум, казалось бы, дан человеку вовсе не для того, чтобы опуститься до уровня животных, «тем более, что природа не снабдила их ни орудиями уничтожения себе подобных, ни инстинктом высасывать у них кровь».³⁴ В двух особых памфлетах Вольтер подверг осмеянию идеи Сен-Пьера. В одном из них, писанном в 1769 году от имени некоего воображаемого англичанина, «доктора Добросердечного», Вольтер утверждал: «Мир между людьми может быть установлен лишь одной терпимостью; мир же, воображаемый неким французом по имени Сен-Пьер, это химера, осуществимая между князьями в такой же степени, как и между слонами и носорогами, волками и собаками. Хищные животные всегда, при первом удобном случае, будут разрывать друг друга на части».³⁵ В более раннем и остро-сатирическом памфлете начала 60-х годов (который, по-видимому, Руссо и имел в виду в вышеприведенной цитате из «Исповеди») Вольтер высмеял мирные проекты Сен-Пьера с точки зрения столь же фантастического, как и его доктор-англичанин, «китайского императора».³⁶ Если Вольтер и не вовсе отвергал возможности установления «вечного мира», то он считал их делом очень отдаленного будущего.³⁷

В середине XVIII столетия, когда в печати появилось «Сокращение проекта мира», составленное Руссо, идеи Сен-Пьера повсеместно широко обсуждались. Так, например, в 1757 году со своим «проектом» выступил Анж Гудар, полагавший, в частности, что хорошим началом для достижения конечной цели было бы обусловленное международным соглашением всеобщее прекращение военных действий на двадцать лет.³⁸ В 1766 году Французская Академия объявила конкурс на лучшее сочинение на следующую тему, предложенную лицом, пожелавшим остаться неизвест-

³³ Помимо литературы, указанной выше, см. содержательную статью: Werner B a h n e r. Der Friedensgedanke in der Literatur der französischen Aufklärung, в книге: Grundpositionen der französischen Aufklärung (Neue Beiträge zur Literaturwissenschaft, Bd. I) Berlin, 1955, S. 139—208.

³⁴ V o l t a i r e. Dictionnaire philosophique (Oeuvres compl. ed. L. Moland, t. XIX), p. 318.

³⁵ V o l t a i r e. De la paix perpétuelle, par le docteur Goodheart (Oeuvres compl., t. XXVIII, p. 105).

³⁶ См. выше, стр. 12.

³⁷ К точке зрения Вольтера близок также Даламбер, который в своем «Eloge de l'abbé Saint-Pierre», читанном на публичном заседании Французской Академии в 1775 году, критически отнесся к проекту «вечного мира» как неосуществимому, поскольку Сен-Пьер не считается со «страстями», присущими «властителям», и слишком оптимистически взирает на будущее (D'A l e m b e r t. Oeuvres philosophiques, historiques et littéraires, Paris, 1805, t. XI, p. 101).

³⁸ W. B a h n e r, Der Friedensgedanke, S. 170.

ным и доставившим Академии необходимую денежную сумму для вручения победителю в качестве награды: «Представить выгоды мира, внушить отвращение к опустошениям войны и вызвать все нации к объединению для установления постоянного мира». Первая премия была вручена знаменитому впоследствии литературному критику Жану-Франсуа Лагарпу за сочинение под заглавием «О бедствиях войны и выгоде мира», в котором он красноречиво взывал к человеческому разуму и высказывал надежду, что однажды наступит счастливое время, когда международные отношения будут строиться на основах морали. Другой французский публицист, Гайар, также откликнувшийся на этот же конкурс, в своем сочинении выступал с еще более патетической апологией мира против войн, этого «бича человечества»: выдвинув проект международного судилища как средства ликвидации военных конфликтов, Гайар призывал Францию взять инициативу в свои руки и действовать во имя мира в духе Генриха IV и Сен-Пьера.³⁹

В 1782 году во Франции появился еще один трактат на эту же тему, якобы переведенный с английского, с предложением международной организации европейских дипломатов для обеспечения мира, а в 1788 году в Швейцарии (в Лозанне) появился еще один анонимный «Новый опыт проекта постоянного мира», автором которого был Палье де Сен Жермен. В этой работе обращает на себя внимание острая критика монархов, ведущих войны в личных своекорыстных целях, но принуждающих к этому подвластные им народы; автор считает также, что борьбу с войнами надлежит вести международному правосудию.⁴⁰

Для всей обширной литературы, возникшей вокруг проблемы «вечного мира» во второй половине XVIII века, характерно то, что она почти не отразила на себе основных прогрессивных идей французского просветительства зрелой поры. Для виднейших философов-материалистов и публицистов этого времени главные вопросы, подлежащие решению, сосредоточены были не в области международных отношений, но в сфере внутренней общественно-политической жизни. Свою главную цель видели они в расшатывании основ феодальной монархии, в обновлении государственного строя с точки зрения «естественного права»; перспективы будущего мирного сотрудничества европейских наций не могли волновать их в такой степени, как общественные реформы в пределах их собственной страны. Между тем все проекты «вечного мира» строились еще на обращениях к правителям европейских держав или на апелляции к абстрактно понимаемым нравственным обязательствам человека, тогда как Руссо, Гольбах, Мабли, Дидро достигли уже большой глубины в своей критике феодально-абсолютистской государственности. Поэтому все эти «проекты» — при всех их частных различиях — родственны идеям Сен-Пьера; если авторы этих «проектов» и критикуют отдельные его положения, они всё же остаются еще в сфере тех представлений и понятий, какие свойственны были просветительству ранней поры, начала XVIII века. В этом отношении «Суждение относительно проекта о вечном мире» Руссо занимает совершенно особое место в указанной литературе как

³⁹ Там же, S. 171.

⁴⁰ Там же, S. 172. Мерсье в своем утопическом романе о Европе в XXV веке («L'an 2440, rêve s'il en fût jamais», 1786) также исходил из идей Сен-Пьера, пересказанных Руссо, когда создавал картину всеобщего мира, наступившего после ликвидации войн: короли, с общего согласия, установят естественные границы своим владениям; наиболее мудрые люди всех наций установят общий договор, и он будет единогласно принят; предрассудки, разделявшие нации, исчезнут: «Индийцы и китайцы сделались нашими соотечественниками. Мы приучаем наших детей смотреть на вселенную, как на одну семью, собранную перед очами общего отца» (А. Яценко, указанное сочинение, стр. 297).

одно из самых выдающихся сочинений этого рода. Написанное с откровенно демократических позиций и изданное в 1761 году, за год до «Общественного договора», оно находится в теснейшем идейном родстве с этим трактатом и вместе с ним оказало сильное воздействие на последующую революционную мысль.

В отличие от предшествующих рассуждений, посвященных идеям мира, и в полном противоречии с кругом мыслей Сен-Пьера и его многочисленных подражателей, «Суждение» Руссо может быть поставлено во главе тех немногочисленных последующих проектов, которые для достижения будущего всеобщего мира предлагают исходить не из юридических договорных оснований международного характера, но из реформ внутреннего строя государства.

В «Суждении» Руссо подверг беспощадной критике оптимистическую мирную тактику буржуазного пацифизма и не признал сколько-нибудь существенными те средства, которые рекомендованы были Сен-Пьером. Он не верит, что можно убедить когда-либо королей или их министров заключить общий союз и призвать к действенной жизни некую международную организацию только на том основании, что это отвечало бы «общим интересам» народов. «У королей,— утверждает Руссо,— или у тех, кого они ставят вместо себя, есть лишь два занятия, две цели — расширить свое внешнее владычество и сделать его более абсолютным внутри государства; все остальное или относится к указанному или служит только предлогом: таковы *общее благо* (*bien publique*), *счастье подданных* (*bonheur des sujets*), национальная слава (*gloire de la nation*). Все это слова, навсегда изгнанные из кабинетов и столь редко употребляемые в публичных эдиктах, что народ стонет заранее, когда его власти говорят ему об отеческом попечении».⁴¹ Разумеется, рассуждает Руссо, основание какой-либо международной организации окажется в полном противоречии с этими неустранимыми качествами всяческих правителей. Допустим, что какой-нибудь европейский совет, если таковой когда-либо будет создан, заставит правительство каждого государства не переступать границ, установленных с общего согласия, и обеспечит монархов от восстаний их подданных; но все это может произойти лишь в том случае, если тот же совет оградит подданных от тирании монархов, потому что в противном случае он существовать не может. «А я спрашиваю,— восклицает Руссо,— существует ли в мире хоть один государь, который, будучи ограничен в самых близких своему сердцу действиях, смог бы вынести без негодования самую мысль о том, что он будет принуждаем к справедливому отношению не только к иностранцам, но даже к своим подданным?» Отсюда Руссо неопровержимо выводит очень важное для всей его концепции положение, что захватнические войны и развитие деспотизма взаимосвязаны теснейшим образом: у народа, находящегося в рабстве, правители по своему желанию берут людей и средства для угнетения других; война дает предлог для денежных вымогательств и для содержания громадных армий, необходимых, чтобы заставить народ быть в состоянии вечного страха. Можно ли надеяться, что удастся подчинить верховному суду тех людей, которые осмеливаются хвалиться, что они властвуют благодаря своему мечу? Министры подобных правителей недалеко ушли от своих хозяев: «Министры нуждаются в войне, чтобы сделать себя необходимыми, чтобы поставить государя в затруднительное

⁴¹ Здесь и в дальнейшем я пользовался изданием: *Oeuvres complètes de J. J. Rousseau avec des notes historiques par G. Petitan*, Paris, 1839, повторяющим издание 1819 года, где, как и в изд. 1839 года, «*Jugement sur la paix perpétuelle*» напечатано в IV томе (р. 280—288); в нескольких случаях мы воспроизводим удачный перевод А. Яценко, сверяя его с подлинным текстом.

положение, из которого он не мог бы выйти без их помощи, и чтобы скорее погубить свое государство, если потребуется, чем потерять свое место; они нуждаются в войне, чтобы мучить народ под предлогом общественной необходимости; они нуждаются в войне, чтобы предоставлять должности своим креатурам, наживаться игрой на бирже и втайне создавать тысячи отвратительных монополий (*mill odieux monopoles*); они нуждаются в войне, чтобы удовлетворять своим страстям и изгонять друг друга; они нуждаются в войне, чтобы овладевать государем, когда против них при дворе создают опасные интриги. Все эти ресурсы министры потеряли бы при постоянном мире. И люди спрашивают еще, почему, если проект мира осуществим, он до сих пор не принят! . . .»⁴²

Руссо приходит к заключению, что нельзя питать ни малейших иллюзий по поводу того, что добрая воля государей и их министров когда-либо создаст общий организованный союз народов. Одна лишь сила может их к этому принудить. «И тогда,— заключает отсюда Руссо,— не придется более убеждать их, но принуждать, и не нужно будет писать книги, но подымать дружины» («. . . et alors il n'est plus question de persuader, mais de contraindre; et il ne faut plus écrire des livres, mais lever des troupes»)⁴³.

Именно здесь находится естественный логический центр всего рассуждения Руссо, опорный пункт, на котором оно держится и ради которого оно написано. Оставалось заключить его вынужденной похвалой Сен-Пьеру, более подходящей на беспощадный приговор: «хотя проект Сен-Пьера был очень мудрым, средства, предложенные им для его реализации, доказывали простоватость автора. Он наивно воображал, что стоит лишь созвать конгресс, предложить на нем подписать статьи мирного договора, и все будет сделано. Сознаемся, что во всех своих проектах этот честный человек прекрасно видел результаты вещей, когда они будут установлены, но судил, как дитя, о средствах для их установления».⁴⁴

Возвратимся, однако, к Пушкину. Е. Н. Орлова была по-своему права, когда утверждала, что «коньком Пушкина» сделался в Кишиневе на некоторое время «вечный мир аббата Сен-Пьера», но Сен-Пьер назван здесь, конечно, как родоначальник ранней просветительской идеи о возможности установления мира на началах разума и согласия и только. Пушкин читал не Сен-Пьера, но Руссо, как об этом сам свидетельствует, но какое из двух его сочинений, написанных по этому поводу?

Б. В. Томашевский совершенно правильно указал, что цитату из заинтересовавшего его рассуждения Руссо Пушкин должен был извлечь не из его «Сокращения», но из «Суждения о проекте». Однако трудно согласиться с Б. В. Томашевским не только в определении этой самой цитаты, но и в общей оценке сочинения Руссо. «Цитата не выписана Пушкиным, но ее нетрудно отыскать»,— утверждал Б. В. Томашевский, впервые комментируя отрывок Пушкина о вечном мире, и выделял то место в «Суждении», где Руссо якобы предостерегает от будущих революционных взрывов, как опасных для человечества. В заключении указанного Б. В. Томашевским абзаца Руссо действительно говорит: «Без сомнения, вечный мир в настоящее время весьма нелепый проект, но пусть нам вернут Генриха IV и Сюлли, и вечный мир снова станет благоразумным проектом; или точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществлен, так как это можно достигнуть только средствами жестокими и ужасными для человечества». Последнюю фразу, действительно, весьма соблазнительно связать со сло-

⁴² J. J. Rousseau. Oeuvres, t. IV, p. 284.

⁴³ Там же, t. IV, p. 284.

⁴⁴ Там же.

вами Пушкина, непосредственно следующими за пропуском места для цитаты: «очевидно, что эти ужасные средства, о которых он говорил, — революции». Пушкин как бы непосредственно подхватывает мысль Руссо и развивает ее далее. «Таким образом, — заключает отсюда Б. В. Томашевский, — Пушкин примыкает к мнению Руссо, но вместо того, чтобы считать революцию невозможной или опасной для человечества, он ее приветствует, видя в революционных движениях залог осуществимости идеи вечного мира».⁴⁵ Позднее Б. В. Томашевский еще более категорически настаивал на своем мнении и писал: «Указывая на мнение Руссо о проекте Сен-Пьера, Пушкин отмечает то место, где Руссо с характерной для него робостью, противоречащей радикализму его взглядов, советует не осуществлять проекта „вечного мира“ (представляющего собой своеобразную „Лигу наций“ в условиях XVIII в.) из опасения потрясений, так как это осуществление потребовало бы ужасных средств... Пушкину эта боязнь потрясений не была свойственна, и он возражал...»⁴⁶ Последующие комментаторы Пушкина вполне согласились с этими утверждениями Б. В. Томашевского и не только варьировали их на разные лады, но, как мы видели, даже ввели в текст пушкинской заметки предположительно указанную цитату из Руссо.

На самом деле и эта цитата вызывает сильные сомнения, и общий ход рассуждения Пушкина представляется в данном случае совершенно иным. Абзац из «Суждения» Руссо, произвольно вырванный из контекста, дает повод к совершенно превратному его истолкованию. Не подлежит сомнению, что Пушкин очень внимательно читал «Суждение» Руссо и что он отчетливо представлял себе его целенаправленность; уже в силу этого он не мог выделить тот абзац, который обычно указывается, и наметить его себе для выписки. Руссо был опытный диалектик, но туманность и недоговоренность многих страниц даже таких прославленных и наиболее разработанных его сочинений, как «Общественный договор», открыли широкое поле для произвольных толкований. Абзац из «Суждения», который указывается как обративший на себя особое внимание Пушкина, также заключает в себе трудно объяснимые противоречия, если его анализировать вне контекста всей этой статьи в целом; не забудем, что Пушкин отозвался тут же с похвалой о ходе его мыслей в этом самом предполагаемом отрывке («Руссо, рассуждавший не так плохо... говорит...»). Что же в этом рассуждении могло понравиться Пушкину? Допустим, что слова Руссо «то, что полезно обществу, вводится в жизнь только силой, т. к. частные интересы почти всегда этому противоречат» импонировали Пушкину, так как они отвечали его собственным взглядам, но как это утверждение Руссо согласуется с его же опасениями относительно «жесточких и ужасных» средств, которые могут понадобиться во имя тех же народных интересов? Что имел в виду Руссо, говоря «пусть нам вернут Генриха IV и Сюдли, и вечный мир снова станет благоразумным проектом», и почему это положение предназначалось Пушкиным к выписке как образец удовлетворившего его рассуждения? Почему, наконец, «более точное» объяснение этих загадочных слов самим Руссо связалось в сознании Пушкина с понятием революции? Приходится признать, что весь указанный отрывок из Руссо достаточно темен для того, чтобы Пушкин мог признать его образцом «неплохого» рассуждения и именно на нем остановить свой взор. В «Суждении» Руссо было много несомненно более замечательных мест, достойных цитации и в то

⁴⁵ «Звезда», 1930, № 7, стр. 230.

⁴⁶ В Томашевский. Пушкин и французская литература. «Литературное наследство», т. 31—32, 1937, стр. 43.

же время гораздо более ясных и существенных для понимания основной точки зрения автора. Пушкин, в высокой степени наделенный способностью схватывать самое главное в том, что он читал, не мог, с нашей точки зрения, не понять, что является самым важным в «Суждении» Руссо, для какой цели оно им написано и в чем заключаются и на чем основаны его расхождения со взглядами Сен-Пьера. Нам представляется поэтому вполне правдоподобным, что Пушкин разделял мнение Руссо относительно «принуждения» государей как единственной меры, которая в состоянии будет обеспечить впоследствии действительную международную организацию, и что вместе с Руссо, а не возражая ему, он оправдывал революцию как неизбежное средство для достижения грядущего умиротворения народов; очень возможно поэтому, что Пушкин не прошел мимо той мысли Руссо, которую мы назвали «опорной» в его «Суждении», — что наступит время, когда нужно будет не создавать «книжные» проекты всеобщего мира, а действовать силой, «поднимать дружины», и что именно эту мысль он хотел выделить в своей цитате из Руссо, дав ей и свои пояснения. Не забудем, наконец, что этот маленький трактат Руссо обсуждался Пушкиным в самом центре одной из важных «декабристских» организаций, действовавшей совместно с П. И. Пестелем. Могли Пушкин со своими собеседниками пройти мимо утверждений Руссо, что наступит пора, когда «не придется больше писать книги», что надобно будет «поднимать дружины»? Этот тезис звучал как яркий и актуальнейший лозунг.

Характеризуя выше работы Руссо о проектах Сен-Пьера, мы уже подчеркнули, что «Суждение» написано им незадолго до «Общественного договора» и находится с ним в идейном родстве. В «Суждении» на частном примере дается оправдание революции, представленное им вскоре в более широко разработанном виде в «Общественном договоре», где Руссо, как известно, обосновывает смелую мысль, что поскольку все существующие государства не в состоянии справиться с задачами, поставленными перед государствами идеальными, они заслуживают того, чтобы быть уничтоженными: «Пока народ, принужденный повиноваться, повинуется, он поступает хорошо; но как только, имея возможность сбросить с себя ярмо, народ сбрасывает его, он поступает еще лучше, так как народ, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому она была у него отнята, был вправе вернуть себе ее, или же не было никакого основания отнимать у него».⁴⁷ Если в «Общественном договоре» Руссо дает последовательное изложение и теоретическое обоснование буржуазного понимания революции, не только оправдывая ее, но и отводя ей важное место в своей политической доктрине, то именно в «Сокращении» мы находим уже очертания того же самого круга идей.

Анализируя термин «революция» в понимании и словоупотреблении Руссо, исследователи его обычно ссылаются на знаменитое место в «Общественном договоре», в котором представлены доказательства, что революция не просто избавляет народ от необходимости повиноваться государству, потерявшему свои правовые основы, но и нужна народу как средство его перевоспитания, перерождения, превращающее его в достойного этого государства гражданина. Это положение Руссо, как известно, выделяет его из всех представителей школы «естественного права», которые испытывали страх перед революцией и в той или иной степени были склонны к компромиссу с феодализмом. Руссо же утверждает, что революция необходима, сколь ни жестокими могли бы показаться сред-

⁴⁷ Жан Жак Руссо. Об общественном договоре СПб, 1907, стр. 4—5

ства, которыми ей приходится пользоваться. «Подобно тем глупым и трусливым большим,— пишет Руссо,— которые дрожат при виде врача, народ не может вынести даже прикосновения к своим язвам, хотя бы и с целью их уничтожения. Как некоторые болезни производят переворот в голове людей и отнимают у последних память о прошедшем, так и в течение жизни государств встречаются иногда бурные эпохи, когда революции производят на народы то же действие, какое известные кризисы производят на отдельных индивидов, когда ужас прошлого заменяет забвение, и государство, охваченное международными войнами, возрождается, так сказать, из собственного пепла и вновь приобретает силу юности, вырвавшись из рук смерти. Таково было состояние Спарты во времена Ликурга, таково было состояние Рима после Тарквиниев, а в наше время — Голландии и Швейцарии после изгнания тиранов...»⁴⁸ Если в свете приведенной цитаты подойти к «Суждению» Руссо,— а именно такова была, как мы предполагаем, последовательность чтения этих сочинений Руссо и собеседниками Пушкина и им самим, обратившимся к изучению «Суждения» только после «Общественного договора»,— то идейный строй «Суждения» представится гораздо более ясным, а его основные положения проступят в тексте гораздо более четко. Вместе с тем отпадут и основания, по которым у нас доньше считается, что Пушкин возражал Руссо, боявшемуся потрясений и предупреждавшему, что они осуществляются с помощью ужасных средств («des moyens violents et redoutables à l'humanité»).

Напомним, кстати, что и Пушкин иногда принуждаем был произносить благонамеренные речи, в качестве «заслона от цензуры», для того чтобы лучше оттенить свою скрытую основную мысль,⁴⁹ и что к тому же приему прибегал и Руссо, так как слишком прямолинейно высказанный тезис иногда в состоянии был испугать читателей и тем самым способствовать извращенному пониманию его.

Высказанные выше соображения, впрочем, недостаточны для того, чтобы они могли обосновать необходимость подыскивать к отрывку Пушкина другую цитату из «Суждения» Руссо вместо той, которую обычно приводят; необходимо еще определить, что явилось непосредственным поводом для возникновения того спора, который Пушкин вел в кишиневском кружке М. Ф. Орлова в ноябре 1821 года, и в чем заключалось существо их разногласий. Тот бесспорный факт, что в руках Пушкина находился тогда французский томик сочинений Руссо, вовсе не объясняет нам, почему пристальное внимание поэта и его друзей остановили на себе помещенные в этом томике и давно уже написанные разборы стародавних проектов Сен-Пьера. Очевидно, это объяснялось целым комплексом причин, и нам необходимо будет расчленить их для удобства аргументации и ясности последующего изложения.

⁴⁸ Ж. Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 4—5. Ср. Irmgard Mühlenkamp. Der Begriff der Revolution bei Jean-Jacques Rousseau im Rahmen der Grundbegriffe seines Systems, Diss. Leipzig. 1936, S. 26—27.

⁴⁹ Ю. Г. Оксман (Пушкин в работе над «Капитанской дочкой»). «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 241) вскрыл происхождение и истинный смысл тех сентенций, которые вложены были Пушкиным в уста Гринева, утверждающего, например, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» (гл. VI); в «Путешествии из Москвы в Петербург» мы находим ту же сентенцию, выраженную теми же словами: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений политических, страшных для человечества» (гл. «Русская изба»). Было бы глубоко ошибочно не только приписывать их самому Пушкину, но и возводить их к предполагаемой цитате из Руссо, хотя они и имеют текстуальное сходство с ней.

5

На рубеже XVIII и XIX столетий проблема «вечного мира» продолжала занимать Западную Европу в еще большей степени, чем в предшествующие десятилетия; она представлялась теперь и более реальной благодаря участвовавшим попыткам применить на практике принципы некоторых политических учений, складывавшихся на основе теории естественного права, и в то же время более недостижимой, так как непрекращавшиеся войны вовлекали в общеевропейский конфликт все новые и новые страны. Современникам Пушкина все начальные десятилетия нового века представлялись не иначе, как освещенные неугасимым заревом войн и опустошительных пожаров. Государственное, публичное осуждение войны было одной из новых политических идей, провозглашенных во Франции в начале буржуазной революции 1789 года и несомненно объяснимым своим философским обоснованием учениям просветителей. Национальное собрание в заседании, состоявшемся 14 мая 1790 года, объявляло народы суверенными и равными между собою и высказывало надежду, что, добившись свободы и развиваясь в условиях взаимной солидарности, они должны будут достичь и высшего блага — всеобщего мира. В соответствии с этим в конституцию 1791 года включены следующие слова: «Французский народ отказывается от всякой войны в видах завоевания. Никогда не употребит он своих сил для подавления свободы других народов» (титул VI).⁵⁰ Через несколько лет Робеспьер в выдвинутом им на заседании Конвента (24 апреля 1793 года) проекте «Декларации прав» провозглашал, в частности, следующие три положения:

«34. Жители всех стран являются братьями: различные народы должны помогать друг другу в зависимости от своих возможностей, как граждане одного и того же государства.

35. Всякий человек, угнетающий одну какую-нибудь нацию, является врагом всех народов.

36. Лица, ведущие войну против какого-нибудь народа с целью задержать прогресс свободы, должны преследоваться всеми не как обыкновенные враги, а как убийцы, бунтовщики и разбойники».⁵¹

Не прошло, однако, и нескольких лет, как эти слова превратились в пустой звук. История Франции и целой Европы последующих десятилетий превратилась в историю непрерывных войн и разделов, походов и вторжений в чужие пределы, династических интриг и попрания международных обязательств; напрасной казалась тогда борьба против всеобщего военного духа, обуявшего властителей и их подданных, недостаточной и не достигающей цели проповедь против войны ораторов и проповедников, становившихся, однако, все более настойчивыми и красноречивыми по мере того, как увеличивалась пропасть между просветительскими идеями и реальной практикой европейских правителей, когда «от Китая до Кадикса мир принадлежал сильнейшему», а «честолюбие и алчность издевались над наукой и общественным мнением».⁵²

Закономерно, что проекты «вечного мира» появлялись и в особенности увеличивались в числе в периоды длительных войн и затянувшихся международных конфликтов. Проект Сен-Пьера также возник в самый разгар династических войн, грозивших Европе гегемонией Людови-

⁵⁰ Л. Камаровский. Главные моменты идеи мира в истории. «Русская мысль», 1895, № 6, стр. 22.

⁵¹ Л. Герман. Жан Жак Руссо и французская революция XVIII века. «Под знаменем марксизма», 1939, кн. 8, стр. 120.

⁵² D r e u f u s. L'arbitrage international. Paris, 1892, p. 71; Л. Камаровский. Главные моменты идеи мира в истории. «Русская мысль», 1895, № 6, стр. 16.

ка XIV, и одушевлявшие его утопические идеи периодически обновлялись в последующие десятилетия в атмосфере новых войн или серьезных обострений международных отношений. Французская революция, последовавшие за ней наполеоновские войны, Венский конгресс 1814 года, прозвевший новый дележ территорий между победителями и положивший начало «Священному союзу» реакционных монархов Европы, в свою очередь, оказались причиной возникновения новых проектов «вечного мира» и разнообразных предложений для достижения «равновесия» европейских держав. В этот период проекты «вечного мира» плодились всюду в необычайном количестве, во Франции, в Германии, Швейцарии и т. д.; как увидим ниже, и Россия во второй половине XVIII и начале XIX века не осталась в стороне от этого общеевропейского движения и внесла в него свой самостоятельный и очень ценный вклад.

В доказательство того, как обширна была в указанные десятилетия литература о «вечном мире», сошлемся здесь хотя бы на «проекты» графа Карамена (1792), И. Канта (1795), Фридриха Гут'эра (1796), Ламотта (1796), Бургуэна (1796), Бертольо (1800), Батэна (1802), Гондона (1807), Де Валя (1808), Бога (1813), Сен-Симона (1814), Липса (1814), Третгёра (1815), Паоли-Шаньи (1818) и т. д.⁵³ Некоторые из этих проектов стали лучше известны благодаря личностям своих авторов или своей последующей судьбе: таковы, например, трактаты Канта («Zum ewigen Frieden», 1795), Иеремии Бентама («A Plan for an Universal and Perpetual Peace», 1789; впервые опубликован в 1839 году), Сен-Симона («Réorganisation de la Société européenne», 1814)⁵⁴, другие канули в Лету как убогие по своим предложениям и фантазиям продукты злободневной публицистики; тем не менее все они вместе характеризуют определенную направленность общественной мысли этой поры, силившейся удержать проблему «вечного мира» в числе важнейших вопросов дня и укрепить к ней повсеместный интерес. Известно далее, что вслед за попытками отдельных лиц в пропаганду идеи мира включались целые ассоциации: первое общество друзей мира основано было в 1815 году в Нью-Йорке, вскоре подобные же общества учреждены были в той же Америке в штатах Огайо и Массачусетсе. В 1816 году «Общество для установления всеобщего и вечного мира» возникло в Лондоне, в 1820 году — в Париже⁵⁵ и т. д. К концу первого десятилетия XIX века движение принимало уже универсальный характер и постоянно привлекало к себе внимание европейской и американской прессы.

Из авторов прежних «проектов» этого рода Сен-Пьера и теперь еще вспоминали чаще других как родоначальника или идейного вдохновителя всего этого шумного, но достаточно бесполезного потока пацифистской литературы. Так, некий Н. Сарразен в своей книге «Возвращение золотого века» (Metz, 1816) поместил собственное «Усовершенствование проекта аббата Сен-Пьера»; чаще всего именно на Сен-Пьера продолжали

⁵³ Неполный перечень этих проектов, составленный по книге Р. Моля (R. Mohl. *Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*, S. 348) приводит А. Лодыженский (Проекты вечного мира и их значение. М., 1880, стр. 84), а также А. Яценко (Международный федерализм, М., 1908, стр. 127—128).

⁵⁴ Критика проекта Сен-Пьера, данная Сен-Симоном в этом сочинении, имеет сходство с той, которая представлена была Руссо; кроме того, Сен-Симон считает, что неизбежным результатом международной организации, предложенной Сен-Пьером, если бы таковая была создана, было бы закрепление навеки феодальной системы, превращающее власть государей в еще более грозную силу и отнимающее у народов всякую возможность борьбы с тиранией. Не исключена возможность, что через посредство М. Лунина, познакомившегося с Сен-Симоном в Париже в 1816 году, об этом его сочинении узнал и Пушкин еще в Кишиневе. Ср. Л. Гроссман. Пушкин и сенсимонизм. «Красная новь», 1936, № 6, стр. 159.

⁵⁵ А. Лодыженский. Проекты вечного мира и их значение, стр. 83—84.

ссылаться в тех случаях, когда возникали споры о каком-либо новом международном соглашении европейских монархов. Характерно, что проекты Сен-Пьера заставило вспомнить основание «Священного союза», подвергшегося широкому обсуждению и нареканиям в самых различных общественных кругах Европы. Интересное свидетельство по этому поводу мы находим во французской книге 1821 года, бывшей, в частности, в библиотеке Пушкина. Неизвестно, находилась ли эта книга у него в руках уже в Кишиневе или приобретена позже, тем не менее не следует пренебречь этим указанием, так как оно, несомненно, было не единственным. Книга называется «История жизни и сочинений Ж. Ж. Руссо»; во втором ее томе довольно подробно и по первоисточникам рассказывается история возникновения обеих работ Руссо о проектах Сен-Пьера («*Extrait du projet*», «*Jugement sur la paix*») и приводятся из них извлечения. Попутно автор замечает, что старинным проектам Сен-Пьера и тому, что было написано о них Руссо «в обстоятельствах, в которых мы теперь находимся, придает известный интерес один новейший договор, более знаменитый, чем известный»⁵⁶. Речь идет о «Священном союзе» (*La Sainte Alliance*), самое наименование которого невольно вызывает в памяти названия союзов эпохи религиозных войн, направленных против Генриха III и Генриха IV («*La Sainte Ligue*» и «*La Sainte Union*») ⁵⁷. Как видим, немалое значение для удерживавшейся и в XIX веке популярности Сен-Пьера имели также писания о нем Руссо, хотя демократический пафос второго из них («*Jugement*») оставался еще без настоящих истолкователей и отозвался сравнительно слабо в европейской пацифистской литературе первых двух десятилетий XIX века. Современники и сверстники Пушкина не могли не знать этой литературы, выпускавшейся во всех концах тогдашней Европы. Дворянская интеллигенция и прежде всего офицерская молодежь, участвовавшая в заграничных походах и вывозившая оттуда целые библиотеки текущей политической литературы, внимательно следила за каждой новинкой в этой области и поэтому должна была хорошо знать о Сен-Пьере хотя бы в претворении его новейших подражателей; следовавшие один за другим проекты «вечного мира» должны были интересовать их потому, что они могли читать о них на бивуаках, на роздыхе в европейских столицах, на столбах ежедневных газет, посреди дипломатических известий, предсказывавших исходы военных действий и новые коалиции держав. Особый интерес этой литературе придавало то, что в эту пору она теснейшим образом связана была с Россией и ее ролью в международных делах. Проекты Сен-Пьера, опубликованные еще при жизни Петра I (1713), вовсе не упоминали еще о России; не назвал ее и Руссо, излагавший эти проекты почти полвека спустя: к тому же он, как известно, хмуро и подозрительно относился к этой великой деспотической северной державе, внушавшей страх всей Европе блеском своих военных побед. В начале же следующего столетия, когда наполеоновские войны привели в действие и войска молодого

⁵⁶ «*Histoire de la vie et des ouvrages de J. J. Rousseau, composée de documents authentiques*» . . t. II (Paris, MDCCCXXI), p. 421—426; Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Пушкин и его современники Материалы и исследования, вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 249 (№ 988); принадлежавший Пушкину и дошедший до нас экземпляр этой книги, которым я пользовался, на интересующих нас страницах оказался не разрезанным

⁵⁷ Там же, стр. 425. Р. С. Эдлинг, столь близкая к кругам дипломатов и святош, окружавших Александра I в последние годы его жизни, и к самому императору, в своих «Мемуарах» замечает, что «трактат об основании Священного союза, столь остроумно названный Прадом „Апокалипсисом дипломатии“, есть, в сущности, не что иное, как великолепная греза Генриха IV и аббата Сен-Пьера, но в форме более религиозной и менее положительной» (В. К. Надлер Император Александр I и идея Священного союза, т. V Рига, 1892, стр. 637)

императора Александра, и в особенности в последующие годы, когда русская армия, поддержанная единодушным патриотическим порывом русского народа, ускорила гибель наполеоновских полчищ и освобождение Европы, ни один очередной проект «вечного мира» не мог обойтись без того, чтобы в деле его обеспечения России не отводилась бы та или иная, более или менее решающая роль. Уже по одному этому у нас не могли не знать о существовании этих «проектов» и вызванной ими публицистической литературы.

Авторы иных «проектов» навещали и русские столицы. В первые годы царствования Александра I в Петербурге появился, например, аббат-итальянец Сципион Пьятоли и ненадолго занял здесь внимание русской знати своим проектом «вечного мира». Пьятоли был воспитателем молодого Адама Чарторыйского и через него пытался внушить Александру I свой совершенно беспочвенный план создания европейской коалиции против Наполеона, в которой видную роль он предоставлял России и возрожденной Польше. Это была одна из бесчисленных вариаций на тему Сен-Пьера, примененная лишь к новой международной ситуации⁵⁸. С необычайной художественной прозорливостью и в полном согласии с историческими источниками Л. Н. Толстой вывел этого аббата в начальных главах своей великой эпопеи о войне и мире как типичное для этой эпохи лицо, постоянно рассуждающее о «вечном мире» без какой-либо надежды изменить порядок вещей или даже понять, что для этого требуется. В окончательном тексте романа он назван аббатом Морю, но в черновых рукописях он носит еще подлинное имя; здесь Пьятоли, этому «изгнаннику, философу и политику», привезшему в Петербург «проект совершенно нового политического устройства Европы», предоставлялась еще более заметная роль. Именно с ним вступает в беседу Пьер Безухов, уже и раньше слышавший о его утопических проектах. «... Именно здесь, в Петербурге, и теперь именно, в нынешнем 1805 году, есть возможность навсегда избавить человечество от всех зол деспотизма и злейшего из зол, родоначальника всех других — от войны», — убеждает Пьера аббат.

«— Какие же это средства? — пробурлил м-г Риегге, оживленно заинтересованный.

«— Средства очень простые: европейское равновесие и *droit des gens*. Стоит одному могущественному государству, как Россия — прославленному за варварство — стать бескорыстно во главе союза, имеющего цель равновесие Европы, и она спасет мир».

«— *Et la guerre est impossible*, — окончил аббат.

«— Что же мы, военные люди, будем делать, любезный аббат, — спросил князь Андрей, лениво улыбаясь»⁵⁹.

Все в этой сцене необычайно верно исторической правде. И наивное удивление князя Андрея, и оживленная заинтересованность Пьера были не один раз пережиты современниками Пушкина, непосредственными участниками войн против Наполеона. Пережил их, в частности, и М. Ф. Орлов, воевавший с 1805 года. Он проявил распорядительность и храбрость в заграничных походах 1813—1814 годов, находился среди русских войск, осадивших Париж, и по поручению Александра I вел переговоры о капитуляции французской столицы. Как видный военный деятель и дипломат, с мнениями которого считались и тогдашние французские публи-

⁵⁸ A D'Ancona S. Piattoli e la Polonia, con un appendici di documenti, Firenze, 1915.

⁵⁹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, юбилейное издание, т. 13, Гослитиздат, М., 1949, стр. 186, 193, 194; Л. Н. Толстой. Война и мир. Комментарий Б. М. Эйхенбаума, т. III—IV, Гослитиздат, Л., 1936, стр. 667—668.

цисты⁶⁰, М. Ф. Орлов на личном опыте проверил всю шкалу ощущений, доставляемых войной и надеждами о мире, и хорошо был начитан в посвященной им текущей европейской литературе. В ней же, подобно многим будущим декабристам, участникам заграничных походов 1813—1814 годов, обрел он идейные подкрепления для скорого перерождения своего общественно-политического мировоззрения. В письмах своих к Д. П. Бутурлину 1819—1820 годов, автору «Военной истории походов России в XVIII столетии» (1819), М. Ф. Орлов, уже являвшийся видным членом тайного общества и принявший командование 16-й дивизией, с восторгом вспоминал о пережитых им войнах («Мы сражались против целой Европы, но целая Европа ожидала от наших усилий своего освобождения. Вспомни согласие общих желаний, вспомни благотворное содействие всех благомыслящих людей, когда наши войска, переходя из земли в землю, основывали везде возрождение народов. Тогда-то мы были сильны, тогда-то мы были страшны общему врагу, ибо под знаменами нашими возрастало древо общего освобождения. . .») ⁶¹, но в то же время осуждал бутурлинское славословие как «совершенно противное нынешнему духу времени»: «Зачем возбуждать ненависть к отечеству в прочих народах? Разве тебе не довольно того, что Прад, Биньон, Герц и прочие публицисты восстают против нашего могущества, ты хочешь также восстать против нас? С какого права вручаешь нам политические весы Европы? Друг мой! Нет никого на свете, который бы более меня привязан был чувством к славе отечества. Но не время теперь самим себя превозносить. Ты видишь все с высокой точки умозрения, с поля сражения. Войди в хижину бедного россиянина, истощенного от рабства и несчастья, и извлеки оттуда, ежели можешь, предвозвещение будущего нашего величия» ⁶². Эти две цитаты из писем Орлова к официальному военному историку наглядно иллюстрируют тот резкий сдвиг, который произошел во взглядах на войну лучших представителей военной касты русской дворянской интеллигенции: на войну надлежало смотреть не с поля битвы, в упоении удалством и храбростью, и не с точки зрения того, будет ли она способствовать «установлению так называемого равновесия Европы», — по словам того же М. Ф. Орлова ⁶³, а из хижины крепостного земледельца, бесправного исполнителя царской воли. Это приближало к осуждению давно исчерпавших себя мирных «проектов» сеньеровского типа и одновременно к пониманию критики их у Руссо.

В русскую литературу XVIII века Сен-Пьер введен был именно Руссо. Молодой И. Ф. Богданович, будущий автор «Душеньки», по поручению петербургского общества переводчиков, еще в 1771 году издал отдельной брошюрой «Сокращение, сделанное Жан Жаком Руссо (sic), женевским гражданином из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом Сен-Пьером» ⁶⁴. Следовательно, это сочинение вышло на русском языке еще при жизни Руссо и притом раньше, чем во многих других странах (за исключением Англии, где оно появилось в переводе на десятиле-

⁶⁰ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 382—384; «Литературное наследство», т. 29—30, 1938, стр. 616.

⁶¹ Письма М. Ф. Орлова к Д. П. Бутурлину опубликованы А. А. Сиверсом в сб. «Декабристы и их время», т. I, изд. Политкаторжан, М., б. г., стр. 200 и сл.

⁶² Там же, стр. 201—202.

⁶³ Там же, стр. 201.

⁶⁴ Приводим заглавие по экземпляру Библиотеки Академии наук СССР; переводчик не указан. Ср.: В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ред. В. Н. Рогожина, т. IV. СПб., 1905, стр. 301 (№ 11107). В. П. Семенов. Собрание староее о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 39 (на стр. 13 ошибочно утверждается, что автором проекта является Бернарден де Сен-Пьер). И. Ф. Богданович перевел только «Extrait du projet». «Judgement» Руссо в это время еще не было опубликовано.

тие раньше, в год его первой публикации в оригинале). Хотя на Руссо уже в то время в России косились с опаской в правительственных сферах⁶⁵, но в прогрессивных читательских кругах последних десятилетий XVIII века у нас ценили его не столько как автора «Новой Элоизы» и вдохновителя «чувствительности» в европейской литературе, но как автора трактата об общественном неравенстве, слава которого у нас непрерывно возрастала наперекор запрещениям и всякого рода цензурному вмешательству. Именно это сочинение («Общественный договор»), опубликованное на русском языке в 1786 году, по свидетельству «Словаря исторического» (1793), «почиталось многими за превосходное произведение ума»; Н. И. Новиков считал, что Руссо «обрел славнейшие в нашем веке мудрости», Я. П. Козельский (в своих «Философских предложениях») характеризовал его как «высокопарного орла», который «превзошел всех бывших до него философов», а М. Д. Чулков ставил его первым среди учителей, наставников и путеводителей «к премудрости людей в познаниях и в добродетелях высочайших»⁶⁶. Едва ли не под непосредственным воздействием того же «*Extrait du projet*» Руссо и сам М. Д. Чулков составил свой «Проект трактата между европейскими государями для вечного истребления в Европе войны»⁶⁷, где, по-видимому, речь должна была идти и о Сен-Пьере. Впрочем, Чулкову могла быть известна уже и вторая статья Руссо о Сен-Пьере («*Jugement*»), к тому времени уже напечатанная, а наряду с ней и образцы европейской пацифистской литературы, появившиеся накануне и во время революции 1789 года.

Увлечение Руссо как философом-демократом русские просветители завещали будущим декабристам. В показаниях, письмах, воспоминаниях деятелей декабристских тайных обществ сохранилось много свидетельств о том значении, какое имели для развития их общественно-политических взглядов сочинения Руссо, и в первую очередь его «Общественный договор»: это утверждали М. А. Фонвизин, Ф. Н. Глинка, Н. М. Муравьев, А. В. Поджио и Н. А. Крюков, И. А. Анненков и П. Н. Свистунов⁶⁸ и многие другие. Примечательно, что и В. Ф. Раевский, по собственному признанию, «Общественный договор» «вытвердил как азбуку»⁶⁹. Поэтому М. А. Цявловский с полным основанием утверждал, что «руссоизм Пушкина в годы южной ссылки был подкреплен Раевским»⁷⁰. Совершенно естественно было бы заключать отсюда, что именно Раевский открыл Пушкину новые стороны в творчестве Руссо-философа и демократа, какие Пушкин сравнительно мало знал в предшествующие годы, и что вместе с настольным для него «Общественным договором» он указал поэту и на «Исповедь» Руссо и на статьи его о проектах Сен-Пьера, которые и вызвали спор⁷¹.

⁶⁵ Борьбу с Руссо начала Екатерина II, еще в 1763 году особым указом запретив в России его «Эмиля» (Д. Ф. Кобек. Екатерина II и Жан Жак Руссо. «Исторический вестник», 1883, т. XII, стр. 611).

⁶⁶ М. М. Штранге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 39.

⁶⁷ Это сочинение Чулкова до нас не дошло, но он сам упомянул о нем в приложении к своей книге «Записки экономические» (М., 1790) в перечне написанных им литературных работ (Викт. Шкловский. Чулков и Левшин, Л., 1933, стр. 87).

⁶⁸ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 219—227; В. Базанов. Очерки декабристской литературы. Гослитиздат, М., 1953, стр. 94—95.

⁶⁹ П. Е. Щеголев. Декабристы, Л., 1926, стр. 13; Воспоминания В. Ф. Раевского. «Литературное наследство», т. 60, кн. I, стр. 116.

⁷⁰ М. А. Цявловский. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. «Временник Пушкинской комиссии», т. 6, 1941, стр. 43.

⁷¹ Не из библиотеки ли В. Ф. Раевского происходил тот экземпляр французских сочинений Руссо, который был в руках Пушкина в Кишиневе? По свидетельству самого

Со своей стороны, Пушкин также мог знать об этих проектах еще в лицейские годы из сочинений Вольтера и энциклопедистов и без сомнения еще в ту пору не раз сталкивался с проблемой «вечного мира» по литературным источникам, имевшим для него совершенно особое значение. Лицейсты увлекались, например, чтением сочинений Ф. Р. Вейса, швейцарского руссоиста, в 1789 году открыто вставшего на защиту французской революции. Много выписок из Вейса включено было в тот рукописный «Словарь» — объемистый свод сентенций на философские, политические и моральные темы, — который составлял В. К. Кюхельбекер с 1815 года вплоть до окончания лицея; словарь этот был хорошо известен и Пушкину⁷² и прочим друзьям Кюхельбекера: именно об этой рукописной энциклопедии Пушкин вспоминал еще в 1825 году (в стихотворении «19 октября»).

И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов!

Были в этом словаре также выписки из Вейса относительно морального оправдания войны и о средствах для достижения постоянного мира, например следующая, помещенная под рубрикой: «Война прекрасная»: «Как благородною была бы война, предпринятая противу деспотических правительств, единственно для того, чтобы освободить их рабов».⁷³

Еще раньше Пушкин и все лицейсты хорошо знали всё то, что об этой проблеме написано было первым и всеми любимым директором Лицея — В. Ф. Малиновским. Еще в 1803 году Малиновский издал в Петербурге отдельной книгой свое «Рассуждение о мире и войне», в двух частях, всецело проникнутое дыханьем просветительного века. Это замечательное сочинение, лишь недавно оцененное по достоинству историками русской общественной мысли⁷⁴, явилось как раз одним из самостоятельных национальных вкладов в проблему ликвидации войн, поставленную европейским XVIII веком. Аргументация Малиновского самостоятельна и очень интересна. Уже первая книга «Рассуждения», написанная Малиновским в Англии (в Ричмонде в 1790 году), открывается красноречивой филиппикой против войны, «которая есть зло самопроизвольное и соединение всех зол в свете». «Привычка нас делает ко всему равнодушными, — писал Малиновский. — Слеплены оною, мы не чувствуем всей лютости войны. Если же можно было освободившись от сего ослепления

Раевского, в его квартире, куда хаживал и Пушкин, «был шкаф с книгами более 200 экземпляров французских и русских» (П. Е. Щеголев. Декабристы, стр. 72); по воспоминаниям Горчакова, «книги Пушкин брал у Орлова, у Пушкина и особенно у штаб-офицера И. П. Липранди» («Пушкин в воспоминаниях современников», стр. 224).

⁷² Ю. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер. «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 332—336.

⁷³ Ю. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер. «Литературное наследство», т. 16—18, стр. 334. К сожалению, этот лицейский «Словарь», бывший в руках Ю. Н. Тынянова, донныне остается неопубликованным. Книга Вейса «Principes philosophiques, politiques et poëtiques», по свидетельству декабриста Н. И. Лорера, очень увлекала петербургскую военную молодежь по возвращении из походов 1813—1815 годов; из нее перевели: А. А. Бестужев, М. М. Спиридов, Н. А. Крюков и др. (В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 226, 228, 229). Еще ранее одна часть из трехтомных «Principes» Вейса выпущена была у нас в переводе А. Струговщикова под заглавием: «Основание, или существенные правила философии, политики и нравственности» (СПб. 1807); ср. также «Свойства и действия страстей человеческих, из сочинений Руссо, Рошефукольда (sic), Вейса и других новейших писателей», СПб. 1802 (В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, т. IV, стр. 70 и 230, №№ 7933 и 10161).

⁷⁴ Э. А. Араб-Оглы. Выдающийся русский просветитель-демократ (к 150-летию выхода в свет «Рассуждения о мире и войне»). «Вопросы философии», кн. 2, 1954, стр. 181—197.

и равнодушия рассмотреть войну в настоящем ее виде, мы бы поражены были ужасом и прискорбием о несчастиях, ею причиняемых. Война заключает в себе все бедствия, коим человек по природе своей может подвергнуться, соединяя всю свирепость зверей с искусством человеческого разума, устремленного на пагубу людей. Она есть адское чудовище, которого следы повсюду означаются кровию, которому везде преследует отчаяние, ужас, скорбь, болезни и смерть... Время нам оставить сие заблуждение и истребить зло, подкрепленное наиболее всего невежеством»⁷⁵. В особых главах рассматривает Малиновский «Мнимые пользы войны» и «Предубеждение народов», где он, в частности, утверждает, что «привычка, невежество и суеверие причиной тому, что народы убивают друг друга с таким же равнодушием как скотину. Ужасное ослепление века, почитаемого просвещенным, а и того еще более — человеколюбивым»⁷⁶, и что происходит это от того, что «ненависть есть обильнейший источник предубеждения народов», а между тем, «чтобы более уважать себя взаимно, народы должны только более знать друг друга»⁷⁷.

Много говорится здесь о «Причинах войны и политике», «Бедствиях войны» и «Выгодах мира», но одна из наиболее интересных глав — «Почтение к войне, геройство и великость духа», в которой ставится вопрос, следует ли почитать войну «непременным путем к славе». Малиновский дает на это резко отрицательный ответ. «Были люди, которые почитаются великими от всех народов и всех веков. Число их весьма мало и убавляется иль прибавляется со временем, смотря по тому, как люди думают и в чем полагают славу и великость». Так, например, «европейцы почитали превыше всех людей Александра Македонского... Мы так привыкли почитать его великим, что сие слово сделалось почти нераздельным от его имени». Но справедливо ли это прозвание? Ведь «храбрость, мужество и неустрашимость сколь ни великие суть добродетели, но они могут быть почтены только по хорошему их употреблению: их может иметь завоеватель и разбойник» «Ревностнейший подражатель Александра был Карл XII. Унижения и несчастья отняли у других охоту подражать ему, и это был первый удар, который претерпела слава Александра. Но она еще гораздо долженствовала унизиться, когда известный шах Надир, будучи в начале токмо разбойник, покорил так же, как Александр, Индию, Персию и многие другие земли...» «К несчастию сей шах не имел ласкательями славных историков, стихотворцев и художников, которые могли бы в приятном виде представить его дела. Иначе европейцы стали бы его почитать и назвали бы его героем и великим человеком». «Из новейших государей мы имеем Людовика XIV, который иными называется великой, и который всю жизнь свою смущал спокойствие Европы и разорил свое отечество для получения славы»⁷⁸.

Это типично просветительская аргументация. Мы узнаем здесь идеи переведенного Радищевым Мабли и самого Радищева, вместе с другими просветителями разоблачавшего «завоевательный дух» знаменитых властителей и относительность понятий «величия», «славы», «геройства»; много писали об этом и английские просветители от Филдинга и до В. Годвина. Что касается Малиновского, то он не только провозгласил, что «никто не достоин столько имени великого как законодатель»⁷⁹, но и развенчал «великих» завоевателей как доказательство, что война не может и не должна служить средством для достижения славы. Нетрудно

⁷⁵ Рассуждение о мире и войне, т. I СПб. 1803, стр. 1—2.

⁷⁶ Там же, стр. 24.

⁷⁷ Там же, стр. 27.

⁷⁸ Там же, стр. 31—39

⁷⁹ Там же, стр. 5

усмотреть непосредственную аналогию с этим ходом мыслей в том положении отрывка Пушкина о вечном мире, где говорится, что для «великих страстей и великих воинских талантов... всегда будет гильотина», потому что «обществу мало заботы до восхищения великими комбинациями победоносного генерала». Правдоподобно, что это было одно из тех убеждений, которое сложилось у Пушкина еще в лицейские годы. Хотя «Рассуждение о мире и войне» Малиновского вышло в свет без имени автора⁸⁰, но немыслимо допустить, чтобы лицеисты первого курса — Пушкин в их числе — не знали об этой книге своего директора, в которой он пытался утвердить мысль, что Европа должна прекратить войны и установить «общий и неразрывный мир», и предлагал для осуществления этого создать «общий совет», составленный из уполномоченных союзных европейских народов. Не забудем, что сын Малиновского, Иван Васильевич, также учился в Лицее и был одним из самых близких к Пушкину товарищей; с ним и с Пушиным Пушкин был особенно дружен и после выпуска из Лицея⁸¹. Лицеисты, конечно, знали, что В. Ф. Малиновский и в период своего директорства продолжал работать над еще не опубликованным продолжением своего «Рассуждения о войне и мире»⁸² и что в самый разгар освободительной войны против Наполеона, незадолго до смерти, он все еще носился с мыслью, что Россия призвана до конца выполнить свое великое предназначение и, «освободив Европу от общего утеснения», должна будет добиться умиротворения и ликвидации дальнейших военных конфликтов. «И ныне предлежит ей (России,— М. А.) увенчать сей великий подвиг и обеспечить освобожденные народы общим их союзом между собой»,— писал В. Ф. Малиновский в своей последней статье «Общий мир», напечатанной в «Сыне отечества» 1813 года⁸³ и несомненно читанной всеми лицеистами. Самое Царское Село, наполненное «И славой мраморной, и медными хвалами Екатерининских орлов...», невольно внушало лицеистам увлечение былой «военной славой россиян»; мимо Лицея проходили русские войска, отправлявшиеся воевать с Наполеоном. Вспоминая об этом времени, Пушкин незадолго до своей смерти писал:

Вы помните: текла за рагью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

В юношеской оде «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» Пушкин также сожалел, что он не принял сам участие в военных действиях для защиты отечества:

Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом на утре не почил?

⁸⁰ В конце книги стоят инициалы В. М., раскрытые им самим в письмах А. Г. Воронцову и Г. Р. Державину.

⁸¹ Я. К. Грот. Пушкин. Его лицейские друзья и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, стр. 70.

⁸² В. Ф. Малиновский писал Г. Р. Державину из Царского Села 4 августа 1812 года: «Книжка о мире и войне писана мной самим в Англии и в здешних окрестностях, есть и продолжение, но теперь драчливое время, и можно сказать коротко: воюйте прочие и деритесь» (Державин, Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грота, г. VI. СПб., 1871, стр. 239—240).

⁸³ «Сын отечества», 1813, ч. 10, № 11, стр. 241—243.

Но это было лишь одическое преувеличение. В том же году в послании «Батюшкову» Пушкин отказывался, например, петь «при звуках лир войны кровавый пир» и еще яснее выражал свое отношение к воинским лаврам в стихотворении «Мечтатель» (1815):

Пускай, удара в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина:
Нейду, нейду за Славой.

Эта «тишина» мечталась шестнадцатилетнему поэту не только как личное стремление, но и как международный идеал, в конкретно-поэтическом противопоставлении «шуму брани»:

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуках стройных лир
На землю мрачную нисходит светлый Мир,—

писал Пушкин в той же оде на возвращение Александра I из Парижа; заканчивалась же она обращением к царю и призывами оставить «и грозный меч войны, и щит — ограду нашу»:

Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной! . .

И в 1816 году Пушкин признается в стихотворении «Сон»:

Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный бой. . .

или (в стихотворении «Из письма к В. Л. Пушкину»):

Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина. . .⁸⁴

«Рассуждение» В. Ф. Малиновского с его проектом «Общего союза Европы» и «совета уполномоченных» народов для утверждения постоянного мира, которое, как мы предполагаем, должно было быть известно Пушкину еще в лицейские годы, не могло ему, однако, напомнить ни о Сен-Пьере, ни о Руссо, так как скупоссылающийся на читанные им книги Малиновский нигде не упоминает ни того, ни другого. Живя в Кишиневе, Пушкин не один раз имел повод вспомнить о Малиновском и о его трактате. По свидетельству В. П. Горчакова, Пушкин часто вспоминал о годах, проведенных в Лицее, и рассказывал о них своим кишиневским друзьям. «Нередко при воспоминании о царскосельской своей жизни Пушкин как бы в действительности переселялся в то общество, где расцвела первоначальная поэтическая жизнь его со всеми призраками и очарованием»⁸⁵. Любопытно, что та самая дивизионная школа при 16-й дивизии, которой руководил В. Ф. Раевский, известна была в Кишиневе под именем «Лицея» и что донос по этому поводу послан был в Главный штаб и дошел до Александра I в те самые последние месяцы 1821 года, когда готовился разгром кишиневской группы «декабристов»,

⁸⁴ Попытку проследить отношение Пушкина к войне на всем протяжении его поэтического творчества см. в статье С. Ашевского (М. Н. Столярова) «Пушкин и война». «Мир божий», 1899, № 6, отд. II, стр. 14—20, и А. Дейча «Пушкин и война». «Новая жизнь», 1915, кн. VII—VIII, стр. 153—161

⁸⁵ Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 198.

а они сами спорили с Пушкиным о «вечном мире»: очень возможно, что этот донос косвенно связан был и с Пушкиным.⁸⁶ О Лицее и лицейских наставниках, этих насадителей «вольнлюбивых мыслей», несомненно много говорили в Кишиневе, к Малиновскому же возник особый интерес при первых известиях о греческих событиях в Молдавии. Дело в том, что Малиновский вскоре после окончания работы над рукописью первой части своего «Рассуждения о мире и войне» был отправлен в звании секретаря на конгресс в Яссы, на котором был заключен мир с Турцией, а в 1800 году на два года был назначен генеральным русским консулом в Молдавии. В 20-е годы здесь его еще помнили как гуманного и просвещенного деятеля⁸⁷; вполне естественно, что в те месяцы, когда назревал новый военный конфликт с Турцией, а очагами греческого восстания стали те самые города, которые Малиновский так хорошо изучил за двадцатилетие перед тем, воспоминания о нем в Кишиневе обновились, и первым мог вспомнить о нем Пушкин, потому что и перед ним и перед его друзьями еще раз встала тогда та же жгучая проблема о войне и мире, которую решал и Малиновский. Но на этот раз эта проблема представлялась уже в новом свете: вопрос шел теперь о справедливости национально-освободительной войны в связи с усилиями восставших греков и естественно перерастал в декабристскую проблему о праве народов на свое освобождение. Здесь и оказались весьма кстати старые работы Руссо о Сен-Пьере.

6

В своих воспоминаниях о Пушкине и Кишиневе В. П. Горчаков указывает на странное «столкновение событий»: «...в то же время, когда возникла угнетенная Греция и восходила звезда древней Эллады, среди пустынного океана угасла иная звезда лучезарной славы. И тот, кто так недавно возмущал племена и народы своею неодолимою силою, исчезал с лица земли, как невольник, при кликах крамол и неволи»⁸⁸. Действительно, вторая половина 1821 года была насыщена событиями, непрерывно обращавшими мысли к проблемам войны и мира. Известие о смерти Наполеона 21 апреля (5 мая) дошло до Пушкина 18 июля 1821 года; в тот же день он сделал набросок программы и написал текст стихотворения, законченного в сентябре — ноябре этого года. Восстания в Европе продолжались; вслед за революциями в Сицилии (июнь 1820), в Португалии (август 1820) в марте 1821 года началась революция в Пьемонте, почти совпавшая с началом греческого восстания: именно в марте 1821 года Пушкин писал из Кишинева, что там «восторг умов дошел до высочайшей степени» в связи с событиями, происходившими на юге Европы и в европейской Турции. В сожженной 10-й главе «Евгения Онегина» эти события также объединены:

Тряслися грозно Пиренеи
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал...

⁸⁶ Об этом доносе и его последствиях см.: П. С. Бейсов. Общественно-политические взгляды В. Ф. Раевского. «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института», вып. V, 1953, стр. 438—439.

⁸⁷ В. И. Семевский. Размышление В. Ф. Малиновского о преобразовании государственного устройства России. «Голос минувшего», 1915, № 10, стр. 241—242. Сам Малиновский в автобиографической записке, посланной гр А. Р. Воронцову, рассказывает о своей деятельности в Молдавии («Архив кн. Воронцова», кн. XXX, М., 1884, стр. 391—392); дополнительные подробности — в письме его к В. П. Кочубею («Чтения в Обществе истории и древностей российских», т. I, 1863, стр. 172—175).

⁸⁸ Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 198.

В апреле 1821 года в Петербурге серьезно обсуждался проект — отправить в Италию русский экспедиционный корпус для помощи австрийцам в подавлении неаполитанской революции; однако этот проект осуществлен не был, в значительной степени потому, что предполагавшиеся военные действия для подавления освободительного движения в чужой стране были резко осуждены передовым русским офицерством. «Настроение умов не хорошо,— доносил по этому поводу кн. Васильчиков Александру I.— Неудовольствие всеобщее и неизбежность жертв, сопряженных с ведением войны, необходимость которой непонятна простым смертным, должны несомненно произвести дурное впечатление»⁸⁹. Но в то же самое время известие о восстании в Греции «воспламенило молодежь... Все были уверены, что государь подаст руку помощи единоверцам и что двинут нашу армию в Молдавию»,— вспоминал Н. И. Лорер⁹⁰. «Важный вопрос: что станет делать Россия: зайдем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов»,— спрашивал и Пушкин, описывая начало греческого восстания. Хорошо известно, как жадно ловил поэт все новости и слухи, которые распространялись по этому поводу, с каким сочувствием отнесся он к успехам дела греческой свободы, мечтая даже принять личное участие в военных действиях и с нетерпением ожидая их начала после того, как в августе 1821 года разорваны были дипломатические отношения между Россией и Турцией. Стихотворение «Война», известное в списках этого года под более точным заглавием «Ожидание войны»⁹¹, имеет в рукописи дату 29 ноября 1821 года (первоначально оно было помечено 29 октября), т. е. около того времени, когда он вел споры о «вечном мире» и читал Руссо. Очень существенно поэтому, что именно в этом стихотворении, спрашивая громко

Что ж медлит ужас боевой,
Что ж битва первая еще не закипела?

поэт задавал вопрос и самому себе, вопрос глубоко интимный, сугубо важный, если сопоставить его со всем тем, что думал он о «воинской славе» в предшествующие годы и как излагал он его в своем прозаическом отрывке, вдохновленном чтением Руссо:

Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев!

Справедливо отмечалось, что пушкинские «военные стихи» 1820—1821 годов «звучали несомненно в радикально-политическом плане, были декабристскими стихами»⁹².

Декабристы, осуждавшие задуманный Александром I поход в Италию для подавления итальянской свободы, напротив того, горячо приветствовали войну против деспотической Турции в поддержку восставшим грекам и втайне, может быть, питали надежду на то, что эта война ускорит освобождение от деспотического режима и в России. Вопрос о войне «справедливой», «освободительной» становился одним из важнейших вопросов, который решали в то время декабристы. Этот вопрос очень волновал и Пушкина, сумевшего поднять его до значения большого философского обобщения и заглянуть далеко в будущее. Однако именно

⁸⁹ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 77.

⁹⁰ Там же, стр. 77—78.

⁹¹ Остафьевский архив, т. II. СПб., 1899, стр. 282.

⁹² Г. Гук ов с к и й. Стиль гражданского романтизма в творчестве Пушкина. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». М.—Л., 1941, стр. 181 и сл.

здесь намечались существенные расхождения во взглядах между отдельными членами декабристских организаций. Самая русско-турецкая война, объявления которой ожидали с минуты на минуту, вызывала к себе двойственное отношение. Н. И. Тургенев писал, например, брату, Сергею Ивановичу, 30 июня 1821 года: «...слухи о войне, которая кажется быть у нас популярною, увеличивая беспокойство мое, делая положение моего духа еще более смущенным, не вынуждают от меня решительного мнения на счет этой войны. Напротив того, имея в виду между государствами одну Россию, и между народами одних русских, я никогда не дал бы голоса моего ни для какой войны, кроме войны оборонительной»⁹³. П. И. Пестель, напротив, еще в 1821 году пришел к заключению, что главное стремление его времени выразилось в национально-освободительных движениях и революционных войнах и что именно Россия призвана поддержать революционные движения народов, охватывающие земной шар⁹⁴. В течение марта — июня 1821 года Пестель трижды приезжал в Кишинев «по делам о возмущении греков» и именно в эти месяцы виделся и долго беседовал с Пушкиным. Глубоко сочувствуя борьбе греков против турецкого ига, убежденный сторонник этой справедливой, освободительной войны, Пестель тогда уже «намечал проект будущего политического устройства освобожденных балканских стран, выдвигая идею создания балканской федерации из 10 самоуправляющихся областей, образованных по национальному признаку»⁹⁵. Декабристское «Общество соединенных славян» также, как известно, по словам И. И. Горбачевского, «имело главной целью освобождение всех славянских племен от самовластья... и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом»⁹⁶. Речь, таким образом, шла не только о будущем России, но и о будущем Европы, славянской в первую очередь, — и вопросы будущей военной организации республиканской России и других стран становились злободневной политической проблемой.

Все сказанное приводит нас к заключению, уже намечавшемуся и выше, что отрывок о «вечном мире» представляет собою один из важнейших документов для изучения политических воззрений Пушкина в кишиневский период его жизни, свидетельствующий также о близости этих воззрений к взглядам кишиневских «декабристов». В пользу такого вывода мы можем привести еще одно соображение, представляющееся немаловажным. Пушкин, как мы видели, исходя из того, что «принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее», высказывал такое предположение: «возможно, что менее, чем через 100 лет не будет уже постоянной армии». В чем следует усматривать ближайший источник этой мысли?

Известно, что уже французские просветители XVIII века, Вольтер, Руссо, энциклопедисты выступали против постоянных армий, хотя, как это справедливо отмечал Ф. Меринг, они еще «не могли понять, что система постоянных войск неразрывно связана с определенными потребностями буржуазного развития».⁹⁷ Декабристов также весьма волновали вопросы о будущем уничтожении постоянных армий при республиканском строе и о демократических формах организации вооруженных сил. Отри-

⁹³ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату, С. И. Тургеневу, Л., 1936, стр. 343.

⁹⁴ Б. Е. Сыроечковский. П. И. Пестель и К. Ф. Герман. «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 167, 1954, стр. 176.

⁹⁵ Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в политических планах декабристов В сб.: Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, стр. 73.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Ф. Меринг. Очерки по истории войн и военного искусства, изд. 3-е. М., 1937, стр. 451.

цательное отношение декабристов-офицеров к той крепостнической армии, к которой они принадлежали, в особенности «усиливалось тем, что в царствование Александра I происходил огромный численный рост ее состава, а режим „аракчеевщины“ делал ее еще более ненавистной для солдат и для крестьянства»⁹⁸. Положение в армии к началу 20-х годов стало все более угрожающим: друг за другом следовали восстания военных поселян (1817—1819), Семеновского полка (1820), с жестокостью подавляемые солдатские волнения 1820—1821 годов⁹⁹; чем ближе находились декабристы к восстанию, задуманному ими самими, тем чаще возвращались они к вопросу, какой станет армия в преобразованной ими России. Не подлежит сомнению, что в декабристских кругах этот вопрос широко обсуждался в начале 20-х годов и что большинство декабристов уже тогда склонялось к идее будущей замены постоянной армии системой «милиционных войск», при которой оборона государства осуществлялась бы всеми гражданами, способными носить оружие, но призываемыми лишь в случае необходимости. Эта система заимствовалась ими из опыта французской революции¹⁰⁰ и подвергалась постоянному обсуждению: об этом свидетельствуют воспоминания Д. Завалишина, статья М. Фонвизина о сокращении армии. «Идея милиции была частично воплощена в проекте конституции Н. Муравьева, поддержана в „Рассуждениях“ Торсона и не встретила возражений у других декабристов, читавших эти документы».¹⁰¹ В так называемом «Манифесте к русскому народу», найденном в бумагах С. П. Трубецкого при его аресте, вопрос о форме организации военных сил в будущей обновленной России решался в том же самом смысле. Во втором разделе манифеста, содержащем в себе поручения Временному правительству, ему вменялось в обязанность произвести, в частности, и следующие реформы:

«3. Образование внутренней народной стражи. . .

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии»¹⁰². Мог ли Пушкин знать в 1821 году в Кишиневе о сущности задуманных декабристами военных реформ, принадлежавших к числу тех, которыми они, вероятно, неохотно делились с непосвященными? В этом не может быть никакого сомнения. Еще в Петербурге в кругу членов «Зеленой лампы», в конце 1819 года, он мог слышать чтение небольшого произведения приятеля своего А. Д. Улыбышева под заглавием «Сон», эту раннюю декабристскую «утопию», в которой идет речь о будущей России, освобожденной после революционного переворота от гнета феодально-абсолютистского режима.¹⁰³

Среди многих преобразований, полной реформе подверглось также и войско обновленной страны. «— Извините, если я перебыю вас, сударь,— спрашивает путешественник жителя этой страны будущего,— но я не

⁹⁸ Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, стр. 164, его же — «Военные взгляды декабристов». М., 1953.

⁹⁹ С. Гессен. Солдатские волнения в начале XIX в. М., 1929.

¹⁰⁰ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, стр. 266.

¹⁰¹ Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство, стр. 166.

¹⁰² Там же, стр. 167.

¹⁰³ Там же. М. В. Нечкина («Декабристская утопия», в сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 376—384) справедливо оценила «Сон» Улыбышева как «важный документ передовой политической идеологии эпохи Союза благоденствия». «Сон» читан был на 13-м заседании «Зеленой лампы». «Неизвестно,— пишет она,— присутствовал ли А. С. Пушкин при чтении рукописи А. Д. Улыбышева. Можно лишь заметить, что он мог присутствовать, так как в конце 1819 г. был в Петербурге, а пропуск заседаний „Зеленой лампы“ как будто не был в его обычае» (стр. 379).

вижу той массы военных, для которых, говорили мне, ваш город служит главным центром.

«— Тем не менее, ответил он, мы имеем больше солдат, чем когда-либо было в России, потому что их число достигает 50 миллионов человек.

«— Как, армия в 50 миллионов человек! Вы шутите, сударь!

«— Ничего нет правильнее этого, ибо природа и нация — одно и то же. Каждый гражданин делается героем, когда надо защищать землю, которая питает законы, его защищающие, детей, которых он воспитывает в духе свободы и чести, и отечество, сыном которого он гордится быть. Мы действительно не содержим больше этих бесчисленных толп бездельников и построенных в полки воров — этого бича не только для тех, против кого их посылают, но и для народа, который их кормит, ибо если они не уничтожают поколения оружием, то они губят их в корне, распространяя заразные болезни. Они нам не нужны более. Леса, поддерживающие деспотизм, рухнули вместе с ним. . . Служба, необходимая для внутреннего спокойствия страны, исполняется по очереди всеми гражданами, могущими носить оружие, на всем протяжении империи. Вы понимаете, что это изменение в военной системе произвело огромную перемену и в финансах. Три четверти наших доходов, поглощавшихся прежде исключительно содержанием армии, — которой это не мешало умирать с голоду, — употребляется теперь на увеличение общественного благосостояния, на поощрение земледелия, торговли, промышленности. . .»¹⁰⁴

Эта красноречивая страница, написанная в самый разгар наступления на армию аракчеевской реакции, выразила в то же время представление о той желательной форме будущей организации вооруженных сил, которое складывалось у деятелей русских тайных обществ, будущих декабристов; ход мыслей Пушкина удивительно к ним близок.

7

Выясняется, таким образом, что проблема «вечного мира», увлекшая Пушкина в конце 1821 года, связана была с именем Сен-Пьера лишь внешне и формально; Руссо вызвал его внимание не только потому, что он нашел в его разборах проектов Сен-Пьера аналогию своим мыслям. Спор шел тогда, по-видимому, о гораздо более серьезных вещах — о зависимости войн от феодально-абсолютистских режимов, о том, как долго будут еще необходимы «справедливые» войны, о том, когда будут ликвидированы армии при условии победы республиканского строя в одном и нескольких государствах, о тактике революционных действий вообще. Руссо и Сен-Пьер дали лишь импульс к обсуждению всех этих мыслей, естественно возникавших в той сложной международной ситуации, которая складывалась в последние месяцы 1821 года и возбуждала различные прогнозы и надежды на будущее.

Гипотетически можно указать еще на одну книгу, которая именно в указанное время могла дать М. Ф. Орлову и Пушкину дополнительный повод для споров о войне и «вечном мире» и в то же время сообщить их беседам еще более страстный и взволнованный характер. В июне 1821 года в Париже вышла книга Жозефа де Местра «Петербургские вечера», вызвавшая громкую полемику не в одной лишь Франции. Французская печать объявила «Петербургские вечера» одной из самых примечательных книг всего 1821 года, называя ее исповеданием веры и завещанием знаменитого политического писателя, в которой он в последний раз перед смертью (де Местр умер в феврале 1821 года) давал бой всему

¹⁰⁴ Декабристы и их время, т. I. 1928, стр. 47—48.

европейскому свободомыслию и выступал апологетом «деспотизма во всей его непристойности»¹⁰⁵. Очень быстро эта книга дошла и до России, где было немало людей, лично знавших покойного писателя или сохранявших интерес к его писаниям: едва ли подлежит сомнению, что ее быстро заметили в «декабристских» и близких к ним кругах русской дворянской интеллигенции. Книга ставила самые жгучие вопросы, освещая их с точки зрения метафизической этики; она давала широкие обозрения предшествующего века европейской истории и философской мысли; завлекательным для русского читателя было, наконец, самое заглавие ее, определявшее место действия. В библиотеке Пушкина сохранилось второе издание «Петербургских вечеров» 1831 года,¹⁰⁶ но он не мог не знать эту книгу и ранее.

«Петербургские вечера» де Местра представляют собою, как известно, серию философских диалогов (числом 11), которые ведут между собою в Петербурге, в 1809 году, три лица: сам автор, петербургский сенатор (le conseiller privé de T***, membre du sénat de St. Pétersbourg) и молодой французский эмигрант, бежавший из Франции «во время революционной бури». Первый диалог разворачивается во время прогулки по Неве; автор начинает свою книгу живописной панорамой Петербурга в теплую белую ночь, открывающейся собеседникам с лодки, медленно скользящей по глади реки. Многого должно было увлечь и Пушкина в этой с подлинным литературным блеском написанной картине: «Нет ничего более редкостного и чарующего, как прекрасная летняя ночь в Петербурге, где она нежнее и молчаливее, чем в более мягких климатах. Солнце медленно, как будто с сожалением, расстаётся с землею. Его пылающий диск, окруженный красноватыми облаками, катится как огненный шар над темными лесами, венчающими горизонт, и его лучи, отраженные витражами дворцов, создают зрителю впечатление огромного пожара». Де Местр подробно описывает Неву, полноводно текущую в лоне великолепного города и до самого горизонта «сдержанную гранитными набережными, для чего невозможно отыскать ни образец, ни подражание»; Нева полна нарядных шлюпок, спящих взад и вперед; в отдалении видны иностранные корабли, складывающие свои паруса и бросающие якорь: сюда «по соседству с полюсом» привезли они дары тропических стран и плоды трудов всей земли.¹⁰⁷

Медленно плывет лодка по Неве, и собеседники внимают красоте пейзажа и тишине ночи. . . Но вот возникает перед ними видная с Невы «конная статуя Петра I, возвышающаяся на краю необъятной Исаакиевской площади. Его суровое лицо смотрит на реку и все еще одушевляет судходство, созданное гением основателя. Все, что слышит ухо, все, что созерцает глаз в этом великолепном зрелище, вызвано мыслью этой могучей головы. Это она воздвигла столько пышных строений из болота. На этих прискорбных берегах, откуда природа кажется вовсе изгнала жизнь, Петр поместил свою столицу. Здесь создал он своих подданных, которые еще толпятся вокруг его царственного изображения. Его ужасная рука еще простерта над их будущей судьбою. Глядишь на него и не знаешь — его бронзовая длань защищает или угрожает?»¹⁰⁸

¹⁰⁵ C. L. Lesur. Annuaire historique universel pour 1821, Paris 1822. p. 801—802; из этой книги мы заимствуем и дату выхода в свет «Петербургских вечеров».

¹⁰⁶ Comte Joseph de Maistre. Les soirées de St. Pétersbourg, ou entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence 2-me éd., Lyon, 1831; Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, стр. 279 (№ 1127).

¹⁰⁷ J. De Maistre. Les soirées de Saint-Pétersbourg (éd. Garnier), t. I, p. 2.

¹⁰⁸ Там же, т. I, р. 4.

Читая эти вступительные страницы к знаменитой книге де Местра, трудно отделаться от впечатления, что какие-то нити протягиваются от них к чеканным строфам «Медного всадника»; и для Пушкина, как и для де Местра, «кумир с простертой рукою», бронзовый облик того,

... чьей волей роковой
Под морем город основался...

стал художественным предлогом для больших историсофских обобщений, для решения, хотя и в совершенно противоположном де Местру смысле,—проблемы добра и зла в сфере государственных и личных отношений.

В «Петербургских вечерах» рассказано, что в тишине этой сияющей ночи, в виду «медного всадника», простершего свою державную десницу и над городом и над плывущей мимо него лодкой, развертывается философский разговор о человеческой жизни и тех силах, которые ею управляют; разговор продолжается и в последующие вечера: де Местр достигает здесь крайних пределов своего пессимизма и наперекор всякому праву и долгу, в полном противоречии со всеми завоеваниями передовой общественной мысли этой поры, создает свою пристрастную апологию деспотизма, исполненную чудовищных парадоксов и оправдания зла, столь возмущавших впоследствии демократа В. Гюго. Теоретик дворянской реакции, фанатик, яростно боровшийся с наследием просветительского века, который он объявил «одним из самых постыдных периодов в истории человеческого разума», воинствующий ненавистник Руссо и его теории народовластия, пытавшийся реставрировать влияние папства и католицизма, де Местр, помимо того, создал в «Петербургских вечерах» свое учение о «божественности войны» как «искупительной жертвы», как «вечного, неизбежного, постоянного жертвоприношения».

В седьмом диалоге книги, преимущественно посвященном фаталистическому оправданию войны, именно петербургский сенатор Т*** задает автору ряд волнующих его вопросов, чтобы заставить себя затем убедить в противном; он недоумевает, например, почему отдельные народы, если они действительно перешли «от естественного состояния, в вульгарном смысле этого слова, к состоянию цивилизованному», не имели достаточно разума, чтобы добиться счастья, какое в состоянии были обрести отдельные люди? Как случилось, недоумевает он, что нации никогда не могли прийти к соглашению, чтобы навсегда прекратить возникающие между ними пререкания, ссоры, кровопролитные войны? Характерно, что в этом месте де Местр заставляет петербургского сенатора,—очевидно хорошо посвященного в теорию французских просветителей XVIII века и играющего роль несколько наивного их подголоска,—вспомнить Сен-Пьера и его проекты, для того чтобы тотчас получить резкую отповедь на это. «Можно легко выставить на посмешище неосуществимый мир аббата Сен-Пьера (а я допускаю, что он неосуществим), но я спрашиваю вас—почему?»—рассуждает сенатор. «Я спрашиваю, почему народы не могли возвыситься до общественного состояния (état social), какого достигли отдельные люди? Каким образом в особенности рассуждающая Европа (la raisonnée Europe) не пыталась испробовать что-либо в этом роде!.. Аргумент, который можно было бы извлечь из невозможности придать верховной власти желаемую всемирность, не имел бы силы. Народы и без того достаточно разъединены реками, морями, горами, религиями и особенно языками. И если бы некоторое количество народов согласилось бы перейти в состояние цивилизованности, то это уже был бы один шаг в пользу человечества. Другие народы, скажут мне, нападут на них. Не все ли равно! Они все-таки всегда ста-

нут с бóльшим спокойствием относиться друг к другу и будут более сильными с точки зрения других, и этого достаточно. Совершенство вовсе не необходимо в этом отношении: достаточно к нему приблизиться, и я не могу заставить себя убедить в том, что никогда нельзя было бы попытаться сделать что-нибудь в этом роде, минуя мистический и ужасный закон, требующий человеческой крови». ¹⁰⁹ В ответ на эти робкие аргументы и недодуманные утверждения Ж. де Местр и развертывает перед сенатором этот самый «мистический и ужасный закон» войны, которая существует в мире навеки, как первородный грех, и не может быть уничтожена волею человека, как «Промысел божий». В войне, рассуждает де Местр, видят то «героическую поэму», то «бич человечества», для которого нет имени, то историческое явление, которое когда-то имело оправдание, но не имеет его теперь. С точки зрения де Местра, война — ни то, ни другое, ни третье; «война божественна» как «мировой закон» — и по причинам, по которым она возникает, и по своим исходам, не зависящим от ее участников; поэтому пролитая кровь питает землю непрерывно, как роса, и на громадном жертвеннике, именуемом землей, нет и не будет конца заклятиям.

Современным читателям эти испуганные страницы фанатика в оправдание войны могут показаться бредом, тем более опасным, что в них проявляется порой отравленная, болезненная поэзия. Не так ли должен был посмотреть на эти страницы и Пушкин вместе со своими передовыми современниками, с его трезвыми мыслями о войне, сложившимися с лицейских лет с помощью «декабристских» учений о справедливых и несправедливых войнах, в виду нового разгоравшегося военного пожара? Не эта ли книга явилась лишним поводом для кишиневского спора о войне и мире? Не она ли усилила горячность и категоричность утверждений Пушкина в его замечательном отрывке о «вечном мире»? В этом нет ничего невозможного. Писаниями де Местра очень интересовались и, несомненно, испытали на себе их влияние и П. Я. Чаадаев и М. С. Лунин, с мнениями которых Пушкин всегда считался и с которыми рад был спорить. Особенные причины интересоваться «Петербургскими вечерами» были, однако, у М. Ф. Орлова. Он был лично знаком с де Местром и состоял с ним в переписке; одно из писем Орлова к Жозефу де Местру (от 24 декабря 1814 года) написано было по поводу книги «*Considération sur la France*», ¹¹⁰ также переизданной в 1821 году в первом томе посмертного парижского «Собрания сочинений» де Местра; примечательнее всего то, что в этом издании (1821) впервые опубликовано было это самое письмо М. Ф. Орлова, переданное вдовой де Местра издателю Антуану Барбье 7 июля 1821 года. ¹¹¹ Знал ли об этом М. Ф. Орлов уже в Кишиневе? Это очень вероятно; многочисленные друзья его не могли не сообщить ему об этом, да и в самом Кишиневе свежие французские книги получались довольно быстро; все это усиливает наше предположение, что и «Петербургские вечера», появившиеся в июне 1821 г. в Париже, могли быть получены в Кишиневе к ноябрю того же года, когда состоялся интересующий нас спор.

Однако и в том случае, если бы высказанные догадки не подтвердились, сопоставление идей де Местра о войне с отрывком Пушкина о вечном мире представило бы несомненный исторический интерес: на част-

¹⁰⁹ J de Maistre, *Soirées de St. Pétersbourg*, t. II, p. 12—13.

¹¹⁰ Эта книга Ж. де Местра в позднем издании (1834) также была в библиотеке Пушкина (см. по описи Б. Л. Модзалевского № 1122. Библиотека А. С. Пушкина, стр. 279).

¹¹¹ М. Степанов Жозеф де Местр в России «Литературное наследство», т. 29—30, 1937, стр. 625.

ном, но типичном примере выяснилось бы лишний раз, какая пропасть разделяла Пушкина и этого старого дворянского реакционера, «наглого, бессовестного фанатика» и «ярого поборника крайнего деспотизма», как де Местра назвал, одно время бывший его приверженцем, младший современник Пушкина В. С. Печерин.¹¹² Нет, война не божественна, — утверждает Пушкин. Ее вызывают и ею управляют люди, те самые, для которых уготована будет гильотина. Нет, война не вечный закон. Она будет устранена волей народов.

Будем надеяться, что Пушкин и на этот раз был прав.

¹¹² В. С. Печерин. Замогильные записки, М., 1932, стр. 114.